

Речкунова Анастасия

Черный ящик, или История
одной «особенной» девушки

Электронная библиотека АКТУАЛЬ, elib.altlib.ru

Анастасия Речкунова

Чёрный ящик, или История
одной «особенной» девушки

Повесть

2023 Молодой
голос
Алтая

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4
Р-462

16+

*Книга из серии
«Молодой голос Алтая»
подготовлена в рамках
Губернаторского издательского проекта*

Речкунова Анастасия Ивановна

Р-462 Чёрный ящик, или История одной «особенной» девушки : повесть / Анастасия Речкунова ; Министерство культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2023. — 118 с. — (Молодой голос Алтая).

ISBN 978-5-98550-678-5

Эта история стара как мир. История первой любви и первого разочарования. Каждый раз, в каждой судьбе она звучит с особенной интонацией — доверительной или наивной, но всегда немного печальной. Первая любовь откликается в сердце нежной улыбкой, весенней прогулкой и осенними сумерками. И, «возвращаясь на тот перекрёсток», ты задаёшься вопросом: «А что бы я ему сейчас сказала?»

ISBN 978-5-98550-678-5

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

© Шинакова Анастасия Ивановна, 2023

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2023

Кот жив или мёртв?

Ясное небо. Ветер бросает в лицо прохладный воздух. Я жадно хватаю его пересохшими улыбающимися губами. За окном мелькают поля, доносятся вкусные запахи от отдалённых домишек: печёных яблок, горячего хлеба, душистой медовой сладости.

Бока коровы лоснятся на солнце. Она лениво машет хвостом, отгоняя мух, и протяжно мычит на машины. Коров мне видеть уже доводилось, однако в городе вид коровы всегда не такой внушительный. А здесь, на поле, она кажется более настоящей, более «коровной», что ли.

В груди плещется тихая радость, кажется, я могла бы ехать так вечно: смотреть на бескрайние зеленые равнины, впитывать солнечный свет и сдержанные краски родных пейзажей.

Единственное, что слегка портит впечатление, — манера Шурика резко вести машину, отчего меня мутит.

Поправляю ещё влажные после купания на озере волосы. Раскручиваю бутылочку с водой. Пробка пшикает, и капли брызжут в разные стороны, заливая осколками влаги колени и руки. Я автоматически стряхиваю капли с пальцев, они переливаются на солнце, отражая свет.

Слева слышу приглушённый смехок Шурика. Он любезно протягивает мне влажные салфетки. Я сухо благодарю. Провожу прохладной салфеткой по влажной, липкой от жары коже.

Делаю глоток, но минералка тёплая, резкая, с противным привкусом соды. Она напоминает раствор, которым меня пичкали в больнице, и от этого меня начинает подташнивать ещё больше. Морщусь.

Не люблю минералку, поэтому просила Шурика купить обыкновенную воду, без газа, но, видимо, не всем по силам выполнить такую «сложную» просьбу. Прикрываю

глаза и стараюсь не выражать недовольство. Оно ещё одной тёмной смолянистой каплей оседает внутри меня. Но лучше так, чем наружу.

Краем глаза вижу, что Саша косится в мою сторону. Понимаю, что сейчас будет ещё одна попытка склеить разговор. Внутренне прощаюсь с недавними ощущениями лёгкости, радости и свободы. Напрягаюсь, готовая держать оборону.

Саша, для друзей пафосное — Алекс, в моей голове сложилось легковесное — Шурик, проводит рукой по жёстким пшеничным волосам и начинает вспоминать школьные годы. Мальчишечьи проказы на уроках, в которых ему, конечно же, отводилась роль самого главного и самого великолепного ребёнка. Без него жизнь на Земле лишилась бы всякого смысла.

Хвастовство настолько плохо замаскированное и блёклое, что так и хочется показать ему язык и обозвать: «Мальчишка-хвастунишка».

Слушать его откровенно скучно. Говорит отрывисто и растягивает всё на ненужные длинноты. Недостаток словарного запаса Шурик компенсирует обилием эффе-мизмов или откровенными паразитами. Его истории кажутся постными и бесцветными, как и его прозрачные рыбки глаза.

Иногда его взгляд скользит по моим ногам, касаясь кожи, оставляет жирные пятна, от которых мне опять придётся долго отмываться в душе или в душе.

Нет, он совсем не противный, он даже вполне симпатичный, привлекательный и зубы у него крепкие...

Вздыхаю. Дело, конечно, во мне — это я противная, злая женщина.

Понимаю, что очередная попытка влюбиться не удалась. Да что там, хоть друга бы обрести в особи мужского пола.

Хотя, наверное, я и не пытаюсь. Скорее опять делаю вид. Обманываю себя и других.

Шурик смотрит на меня вопросительно.

«Что он спросил? — рассеянно соображаю я. — Спросил ведь что-то?»

Глупо улыбаясь, переспрашиваю. Он интересуется про мою школу.

— Уже ничего и не помню, — отмахиваюсь я.

Он гогочет и говорит о девичьей памяти. До этого клише у него, может, и был шанс.

Хотя кого я обманываю? Меня вряд ли можно назвать шансом. У него есть машина и телочки найдутся посимпатичнее, повеселее и поговорчивее. Я — навязанный ему багаж, взятый с надеждой, что им можно попользоваться на один раз и выбросить на обочину за ненадобностью.

Вновь злюсь на себя за этот взгляд на человека — свысока.

Я ненавижу, когда люди позволяют себе так смотреть друг на друга. Ненавижу, когда они так смотрят на меня. Но сама ловлю себя на этом слишком часто.

Оправдываюсь тем, что смотрю так только на недалёких людей, у которых есть все возможности развиваться, а они вместо этого деградируют, но мнят себя самыми разумными существами на планете.

Оправдание, конечно, так себе. Я совсем не знаю Шурика, но уже придумала его характер и вынесла вердикт.

Сзади едет машина с подругой Катей и её парнем, Веней. Шурик — это друг её парня, с которым она решила меня познакомить.

Вспомнилось, как перед встречей Катя наставляла: «Не будь привередой и не уходи в себя. Будь весёлой, как со мной, будь собой...»

Парня она, как и полагается, расхвалила. Впрочем, честно добавила, что он простоват, но заверила, что такой мне и нужен — моих сложностей, мол, на двоих хватит.

На озере Катя всё пыталась подчеркнуть прелести предьявляемого товара: «Ну, посмотри — у него даже кубики есть».

А мне было бы куда проще отдыхать без этого «кубика». Но честно разглядывала его пресс, с неприятием понимая, что пресс у него только для этого и есть, чтобы на него смотрели девушки, а силы в нём нет. И кубики казались мне фальшивыми, нарисованными, за которыми темнеет пустота размером с целую вселенную.

— Так всё-таки, загадочная леди? Или вы в школе не учились? — ещё один самодовольный смешок — сострил.

Я смерила его взглядом, которому научилась именно в школе. Мама часто шутит, что таким взглядом можно убить.

Шурик притух, кажется, даже смутился.

Неловкость — это обычное состояние мужчин в моём присутствии. Я к этому привыкла. Она мне ближе, чем попытки наладить общение, поэтому общение и не ладится.

— Я интроверт, — роняю отрывистые сухие фразы. — В школе моими друзьями были книги.

— Заметно, — самодовольно усмехается он. — Значит, всё веселье пропустила.

— Возможно, — полусогласительно бросаю я.

Как будто он может понять, что такое школа. «Особенная» школа для «особенных» детей, в которой любимой фразой воспитателя была: «Вы — особенные».

Если сейчас она кого-то умилила, то не умиляйтесь — это вежливое прикрытие смысла: «Вы неполноценные инвалиды».

Свою «особость» я подчёркивать никак не хочу. (Передёрнула плечами от неприятных воспоминаний.)

Снова уставилась в окно, но той лёгкости, того счастья уже нет. Оно скрылось за непроницаемым облаком, что набежало тенями на наши лица. Заворошилось то, что я давно засунула в чёрный ящик.

Кажется, что в школе училась вовсе не я, а другая девочка. Сильная, жёсткая, волевая.

Она никогда не опаздывает, никогда не раскисает, у неё нет друзей, но есть цели. Я выполнила её цели, но она упрямо не верит мне. Хочет, чтобы я ещё что-то вспомнила.

Она сильнее меня и правильнее, противиться ей трудно. Мне придётся её вспомнить, она слишком долго стучится в закрытые двери.

Вздрагиваю от резкого звука. Черная машина Вени, по сигналив, обогнала нас. Катя высунулась в окно и жизне-радостно кричит: «Еху!»

Встречается со мной глазами, и радость её медленно выцветает, за что я чувствую укол совести и тут же натягиваю радостную маску. Но поздно — она всё видела.

Ну почему нельзя было ехать молча?! Наслаждаться ветром, солнцем, бескрайними просторами?

Ведь ещё по пути на озеро стало очевидно, что ни о какой симпатии и речи быть не может. Ещё когда я рот открыла и в его взгляде проскользнуло знакомое мне выражение.

Ну и как я могу винить за это людей? А я виню.

Знаю, это не проблема парня, — это моя проблема. Опять парадоксы, в которых сам черт переломал бы себе копытистые ноги.

Я научилась прятать стеснение и неуверенность в себе за высокомерным взглядом и равнодушным молчанием. Я боюсь, что люди увидят мой ужас «особенного» человека перед нормальными людьми.

Интересно, это моя «особость» сделала меня интровертом или интроверт во мне усугубляет мою «особость»? Особенно с мужчинами.

Когда я примеряла на себя психологические теории, мне оказались куда как ближе Фрейд его опальные ученики — Адлер и Юнг. У меня вся жизнь — это борьба с комплексами.

Подъезжаем к городу. Его панорама неотвратимо нависает на нашу машину, и автомобиль, ещё недавно летевший по пустынным трассам, вязнет в цепочке очередным звеном.

Мы планировали ещё посидеть. Но мне ясно как день, что сегодня никаких посиделок с моим участием не будет, нужно уходить.

Поэтому пишу Кате, что хочу домой и выйду на речном.

Она шлёт грустный смайлик и предлагает мне попросить Алекса меня довести.

Я пишу категорическое «нет». В ответ — ещё грустные смайлики.

Во мне в темноте шевелится маленькая испуганная девочка. Может, нужно заглянуть ей в лицо?

Пора заняться раскопками. Знаю — занятие не из приятных. Но уже сделан первый коп. И нужно разобраться наконец с этим чёрным ящиком и котом Шрёдингера: жив он там или мёртв? Ведь пока не откроешь — и не узнаешь.

Недавно, прочитав «Тошноту» Сартра с его экзистенциализмом, пессимизмом и меланхолией, извлекла для себя одно: не нужно ковыряться в себе и всё усложнять до тошноты, можно откопать такое дерьмо, что будешь век ходить и издавать зловония.

Тем не менее я иду на раскопки, вооружившись острыми самокопательными мыслями.

Катя обнимает меня на прощание и тихо спрашивает:

— Ну что? Он тебе совсем не понравился?

— Я ему тоже.

— Он просто тебя не знает, ты опять вела себя э-э... странно.

— Ну что ж, я останусь для него тайной, — усмехаюсь я.

— Дурочка, блин, — беззлобно говорит она. — И кидало-во. — Видя мой виноватый взгляд, машет рукой: — Ладно, потом поговорим.

Дом встретил привычными запахами бабушкиной выпечки. Все сбежались на семейные посиделки.

Я заверила родных, что прекрасно отдохнула, что вода в озере тёплая, а компания душевная. О всякой чепухе, вроде чёрных ящиков, я, конечно, говорить не стала. Эта темнота среди смеха и семейного тепла показалась искусственной, надуманной. Кот внутри вполне себе жив, а смрад идёт не из моей души.

Мама спросила насчёт парня, я честно призналась, что не понравился и это взаимно.

Приняла ванну. Протерев ладошкой запотевшее зеркало, глянула на отражение: зелёные глаза смотрят ядовито и жёстко. Провела пальцем по шраму у губы — это отозвалось фантомными неприятными ощущениями. Когда я думаю или кто-то говорит мне обо всех этих операциях, я начинаю остро чувствовать каждый надрез на лице и на небе, каждый шов.

Долго лежала, смотрела в потолок, слушала, как едет поезд по железной дороге в лесу.

В окно забился тяжёлыми каплями дождь. Под стук колёс и шепот дождя я стала распутывать клубок своей жизни.

Плотный комок ниток. Где начало, где конец — не разобрать.

Как развязать тот узел, что так сковывает меня, не даёт жить? Нитка белая, нитка чёрная, нитка красная...

Кошачьи гены

Зачали меня по молодости и глупости, может, поэтому ничего умного и не вышло.

Отец был старше пятнадцатилетней мамы на четыре года. Я постоянно забываю, как его звали. Кажется, Алексей. Отчество мне дали дедовское, поэтому имя фантомного отца часто вылетает из головы.

Я думаю, именно в генах Алексея, которыми он меня так любезно наградил, был этот брак. С маминой стороны такого дефекта ни у кого не наблюдалось.

Алексей меня заделал и маму бросил.

Обиды на него нет, как и желания его найти. Молодости свойственны ошибки. Я для отца — ошибка, так часто бывает в этом мире, особенно с отцами.

Первого претендента на роль второго отца, хотя этот претендовал скорее на роль отчима, я помню смутно. Он был много старше мамы, владел большим состоянием и жил в шикарном коттедже.

Как-то мы с мамой пришли в гости в его огромный роскошный дом. Мужчина, наклонившись ко мне, пытался задобрить бассейном, вкусностями на кухне. Я цеплялась за мамину руку и чувствовала даже не стеснение, а ужас от этого человека и его хором.

Маме пришлось меня увести. Больше попыток сводить меня к нему в гости она не делала.

Всю жизнь мужчины внушали мне паническое желание бежать. Исключения были, но редко. И сколько я ни пыталась вывести этот страх в область осознанной рациональности, понять до конца его причины не удалось.

Возможно, виной всему два маминых старших брата.

Я всегда была тихим, застенчивым ребёнком, а дяди обладали буйным нравом, часто были подвыпившими и любили потискать свою «племяшку». До сих пор помню, как пряталась от них под диваном.

С другой стороны, мама рассказывала, что ещё с пелёнок стоило подойти к коляске мужчине, как я закатывалась в истерику.

Мама не вышла замуж за того, богатого мужчину, хоть он её и звал.

Я мечтала о принце для мамы. И решила для себя, что, когда он появится, буду стараться, чтобы он не бросил её из-за меня.

Мужчина в возрасте на роль принца в детском представлении не подходил. Но как только к нам пожаловал «принц» помоложе, я всеми силами стала демонстрировать маме своё одобрение. И не нашла ничего лучше, чем спросить: «Он будет моим папой?»

Мне было пять. Он стал моим папой. А вот стал ли маминым принцем?

Наверное, нет. Хотя роль преданного рыцаря он себе в конце концов выслужил. И сейчас, думается мне, у мамы к нему довольно тёплые чувства. Она мне всегда говорит, что ни о чём в своей жизни не жалеет и что у неё прекрасная семья.

Однако я часто корю себя за ту детскую фразу, ведь если мама изначально не любила его, значит, вышла замуж не по любви. Ответ на вопрос «Зачем?» прост — я хотела для неё принца, а она хотела для меня папу.

Я родилась в девяностые, наша страна была в руинах, люди в нищете, а бандиты у руля. Медицина пребывала на самом дне.

Мама вспоминает, что во время родов акушерка кричала: «Господи, кого ж ты рожаетшь?!»

А потом меня скрывали от мамы и долго уговаривали оставить в роддоме, мол, молодая, зачем тебе такой больной ребёнок нужен, родишь ещё. Мама же настойчиво требовала меня отдать.

Я иногда спрашиваю её: «Когда ты меня увидела, не было ли у тебя сомнений?» Она крутит пальцем у виска,

мол, дурочка, и отвечает: «Ты что?! Когда я тебя увидела, у тебя одни глаза — на пол-лица, я остальное и не заметила!» И от этого мне становится как-то светлее на душе. Она говорит: «Ася, ты так о себе говоришь, будто я жалею. Я не жалею о том, что ты родилась, ни разу не пожалела!»

Заговорила я рано. Однако до того, как мне сделали большую часть операций, меня никто не понимал. Мама рассказывала, что ребёнком я подходила и настойчиво талдычила одно и то же, до тех пор, пока не добивалась полного взаимопонимания от собеседника.

Все десять операций сделали в детстве. Первую — когда мне было восемь месяцев, а последнюю в восемнадцать лет. Поэтому воспоминания отрывочны и многое знаю только по рассказам родных.

Внятно воспроизвести могу только события последней лёжки в больнице. Но и там есть дыра, которая меня пугает до мурашек. Что там происходило, в том вырезанном отрезке жизни, — неизвестно.

Я помню, как в палату зашла ассистентка хирурга, и мы вместе пошли в операционную.

Делаю шаг из палаты и проваливаюсь в темноту.

Дальше — ничего: ни как дали наркоз, ни врачей, ни операционной. Только темнота. Но что там было в этой темноте?

Мама просит открыть глаза. Веки тяжёлые, поднимаются и сразу опускаются. Меня начинает тошнить.

Сквозь мутное сознание слышу взволнованный голос: «Это кровь!»

Я все ещё не могу толком проснуться и пытаюсь заверить маму, что просто наелась слив, но вокруг нарастает паника.

Открываю глаза и вижу густую кровь. Кажется, она повсюду. Сознание мутится. Мама гладит меня по голове, успокаивает, а вокруг суета...

Спустя пару недель после выписки обнаружилось, что во мне забыли бинты.

Хирург вёл себя агрессивно — так, будто это мы с мамой их во мне забыли. Бинты пришлось вытаскивать через нос щипцами. Они уже сроднились с тканями, вросли в них. И выдираться из меня упорно не желали.

Я рефлекторно дёргалась, хоть и старалась терпеть. Хирург раздражался и в итоге, психанув, передал дело более терпеливой ассистентке.

Она действовала осторожнее, но от этого не менее мучительно. Маму попросили держать меня.

Ассистентка цепляет, дергает ещё и ещё. Из глаз бегут слезы, и я не могу удержать криков.

Ещё раз... И в глазах темнеет. Бинты отрываются, из носа хлещет кровь.

К запаху гнили последних дней прибавляется запах сырого мяса. Меня тошнит и кружится голова. Но заверяю врачей, что «в порядке». Рядом стоит мама, и хочется, чтобы нас отпустили поскорее домой из этого концлагеря.

Самую удачную операцию сделали в восемь. В тот раз я лежала в палате со взрослыми женщинами.

Одна из них рассказывала, что её бьёт муж. Я жалела её, советовала уйти от этого негодяя. Она грустно улыбалась моей детской наивности, вздыхая, что ей некуда идти. Тогда я звала её к нам домой, уверяя, что мама не будет против. Над чем смеялась вся палата.

Взрослые соседки по палате спросили меня, не боюсь ли я операции. Я удивилась вопросу и честно ответила, что нет.

Для меня это действительно была норма жизни — почти каждый год ложиться под нож. Мама рассказывала, что, когда меня повели в операционную, все женщины расплакались.

Пусть и смутно, но помню операционную. Анестезиолог подошёл и спросил, подмигивая: «Боишься?» Я ответила, что нет. «И правильно, я своё дело знаю». И дальше — погружение в такую знакомую мне темноту.

В памяти есть и совсем детские «отрывки» больниц, бессвязные, не всегда ясные.

Большая палата, где много разных девочек. Я — совсем маленькая.

Девочки слушали группу «Тату» на кассетах и обсуждали: правда ли, что певицы – лесбиянки?

Странно, что память иногда цепляет сущие мелочи, оставляя за кормой крупные события.

Мама никогда не жалуется на то, что я родилась такой, никогда не говорит о том, как ей было тяжело. На эту тему она лишь шутит.

Однажды на восхищённое замечание о её бесстрашии она пожала плечами, ответив, что, когда держишь восьмимесячного ребенка, которому снимают швы, после уже ничего не боишься. Главное — не нужно волноваться при ребенке, так как ребёнок чувствует это.

Бабушка смеётся, что рот у меня открывался вместе с глазами. Я не могла толком есть до операций. Еда забивалась в нос, попадала в уши, отчего уши болели.

Во младенчестве мне было больно жить, но я жила. А вот младшая сестрёнка, родившаяся таким здоровым красивым ангелочком, умерла. Умерла из-за халатности врачей, недоказуемой в девяностые. Да и сейчас недоказуемой, оттого ещё более ранящей.

Помню бледное лицо мамы и папу, поддерживающего её под руку. Кто-то подвёл меня к Дашиному гробу. Она лежала совсем неподвижно, а её личико было прекрасным, словно с картин Боттичелли.

Я заплакала, хотя вряд ли могла осознать смерть. Мама вывела меня из комнаты, ругаясь с кем-то, что меня впустили.

Тогда ли у меня мелькнула мысль, что на месте Даши должна была быть я, или она пришла позже? Будто смерть, занеся косу надо мной, промахнулась и срубилась вместо чахлого вялого кустика прекрасное зелёное деревце. Несправедливо.

В 90-е моя семья жила бедно, хотя все работали, но, как многие ещё помнят, денег не платили.

Однако мы, дети, умели ценить то немногое, что у нас имелось. Мы радовались мелочам.

Как-то родители подарили мне Барби-русалочку и пазлы. Я помню до мелочей этот пазл: по лестнице спешила Золушка в пышном розовом платье, теряя по пути хрустальную туфельку, а за колонной стоял опечаленный принц.

Я собирала картинку так часто, что её рисунок вытерся, но не было потеряно ни одного кусочка. Мне тоже хотелось иметь фею-крёстную, которая взмахнула бы палочкой и расколдовала меня.

Обычно летом я сидела с книгами или играла возле дома в куклы с соседской девочкой.

Юля была постарше, побогаче и без «особенностей». Мне хотелось Барби, как у нее, и вот она у меня появилась. Мама нашла для новой куклы много одежек — из старых носков и лоскутков ткани. Сделала кроватку и шкафчик.

У подружки тоже был гардероб и целая квартира, но все покупное и не такое красивое.

Юля постоянно предлагала обменять свои покупные платья, но я отказывалась. Поэтому она потихоньку брала то, что ей нравилось.

Когда я обнаружила пропажи, то попросила вернуть мои вещи. Она долго юлила и с большой неохотой все-таки кое-что отдала мне обратно.

Во двор как раз пришли Юлины подружки. Юля, схватив мою куклу вместе с одежками, забралась на гараж, стала размахивать ими и дразнить меня.

Я на гараж забраться не могла, мне это было запрещено. Стояла и просила Юлю отдать мои вещи. Слышала, как девочки кричат ей: «Юль, да отстань ты от неё! Пойдём!»

Но ушла я. Оборвала саму себя на очередной просьбе. Развернулась и пошла домой.

Всё во мне тогда окаменело. На мамин вопрос: «Так бы-

стро наигрались?» — ответила: «Да, выйду попозже». Мне было стыдно говорить маме, что случилось.

Я действительно вышла попозже, собрала разбросанные кукольные вещи и саму Барби, разодранную на части. Не нашла только руку. В глазах щипало, когда я подбирала свои сокровища.

Я спрятала куклу от мамы, чтобы она не заметила, что у неё нет руки, и не расстраивалась, но мне теперь и не хотелось играть этой грудастой Барби. Я снова полюбила свою маленькую куколку-девочку, она была красивее и роднее.

Больше я никогда не стучала в двери соседней квартиры, с замиранием сердца не спрашивала, выйдет ли Юля гулять. И когда однажды Юля зашла за мной, не вышла.

Прошло много лет, и теперь я спокойно здороваюсь с Юлей. Я совсем не держу на неё зла. Мы были детьми, а у детей так бывает.

Но в том далёком детстве её желание порисоваться перед подругами что-то убило во мне. И я изменилась, стала, наверное, более одинокой.

Хорошо, что были книги. Они никогда меня не высмеивали, не пытались самоутвердиться за мой счет. Они всегда были добрыми друзьями, с ними и проходил мой досуг. Наверное, оттуда у меня привычка, заходя в книжные магазины, начинать мысленно разговаривать с авторами любимых книг.

С моими особенностями такие «юли» могли случаться намного чаще, но в основном с людьми мне везло, как и с хорошими книгами.

А когда «юли» случались, боль уходила вглубь, в чёрные пятна, которые прорезали во мне хирургии, пока я спала.

Для «особенных» детей

Школа-интернат для детей с тяжёлыми нарушениями речи поразила меня сразу.

Огромное уютное здание. Из столовой на весь первый этаж распространялись запахи свежей выпечки. На втором этаже — галерея. Коридоры украшали картины учеников.

То были не кособокие детские рисунки, а работы, достойные профессиональных выставок. Выполненные в разных техниках: в красках, простым карандашом, из крупы, перьев, ракушек, веточек, — они поражали воображение.

На третьем этаже располагались спальни.

Бесплатное питание, возможность проживания... Очарованная атмосферой, я уговаривала маму оставлять меня с ночёвкой.

Мама категорически отказывалась. Однако так сложились обстоятельства, что ей пришлось мне уступить: тяжёлая дорога, беременность вторым ребёнком, Никой, финансовая нестабильность.

Для меня это обернулось неожиданным стрессом. Я оказалась слишком домашней девочкой и, что там говорить, донельзя избалованной и изнеженной.

Детская же среда бывает агрессивной для такого «цветочка» — именно так меня в старшей школе с некоторой долей презрения будет звать классный руководитель.

Я привыкла, что мама всегда рядом, и скучала. Вечерами часто плакала. Ночью не могла уснуть. Несколько раз даже звонила с вахты соседям. Они звали к телефону маму. Я, рыдая в трубку, уговаривала меня забрать. Мама срывалась за мной. С огромным животом она выглядела такой несчастной и усталой, что мне становилось больше стыдно, чем радостно.

В школе ребята были разношёрстные. Таких, как я, насчитывалась пара человек, а в основе всё было проще: кто-то не говорил букву «р» или шепелявил, кто-то заикался, а у кого-то просто имелись проблемы с русским языком. Было много детдомовских и детей из деревень.

В огромной спальне в ряд стояли койки. Там вместе ночевали и взрослые девочки, и такие малышата, как я.

В спальне уже большая девочка, Галя Гаус, систематически раздавала затрещины тем, кто мешал ей спать. Меня она очень пугала.

Однажды я проснулась оттого, что кто-то зашипел в ухо: «А ну, не притворяйся, что спишь!»

Галя схватила меня за руку и пригрозила: «Ещё раз тебя услышу – получишь!»

Подружки советовали угощать Гаус вкусностями, чудесным образом преображающими её из ночного кошмара в доброго друга.

Мне ничего не стоило отдавать ей те же яблоки, которые я никогда не любила. Ими без всякой выгоды я подкармливала детдомовскую девочку, пока она не украла мою расчёску. Но сама идея купить дружбу Гаус так и не прижилась во мне.

По ночам тех, кто шумел, нянечка выставляла из спальни в коридор. Подружки после таких «выставок» возвращались довольные и долго потом таинственно шушукались.

Казалось, я упускаю что-то важное. Как-то я посетовала на это девочкам. Когда в очередной раз в спальне поднялся шум, подружки любезно указали на уже уснувшую меня. Меня выволокли из тёплой постели и выставили в коридор, где уже «отбывали срок» несколько нарушителей порядка.

Как только ночная няня ушла, мальчишки у стены напротив стали тихонько переговариваться и, тыкая в девочек пальцами, рассуждать.

«Вот эту знаю — её Диной зовут, а эту раньше не видел, — кивает в мою сторону. — Симпатичная, но лохмы распустила!» — «Ага, на ведьму похожа».

Я не знала, куда себя деть от стыда. Стояла в одной ночнушке, мне её сшила мама, и рыжеватые волосы после заплетенных косичек торчали во все стороны.

Вернувшись, я обиженно заявила девочкам, что они «дур-ры».

В начальных классах, в школе, мне так или иначе нравилось. До сих пор помню завтраки — давали молочную кашу, хлеб с маслом и кусочком сыра. Дома меня бы не заставили есть хлеб с квадратными кусочками масла и сыра, но там именно это незатейливое блюдо являлось самой вожделенной частью завтрака. Масло и сыр ценились настолько, что на них спорили.

Помню, как изводила воспитательницу глупыми вопросами, что-то вроде того: «Почему нужно чистить утром зубы? Вечером, понятно, за день испачкались. А зачем утром, я же ими ничего не делала?» На это воспитательница, лишь тяжело вздохнув, просила: «Ася, иди, ложись уже в кровать».

Хорошо помню близнецов — ярко-рыжих, веснушчатых. Особенно отчетливо — тот момент, когда ко мне подошла Дина и сообщила, что Жене, одному из близнецов, я нравлюсь и он хочет со мной дружить, заверив, что он хороший и добрый мальчик.

Мне было странно, как можно дружить с мальчиком, которого нельзя отличить от другого мальчика. Близнецы стояли неподалёку, и оба с любопытством косились на меня. Как только я повернула голову в их сторону — один из них опустил взгляд и стал тщательно изучать свои туфли. Я отказалась.

В пятом классе близнецы перешли в обычную школу.

Я тоже хотела уйти. Завуч встретила нас с мамой на подходе к кабинету директора и завела дружеский разговор: «Ну кем она там будет? Тут, — она показала рукой вверх, — звезда! А там, — рука опустилась в пол, — сами понимаете. Дети жестоки, вы пожалеете». Директриса тоже маму отчитала и сказала, что отпустит меня только через комиссию.

По дороге домой мы смеялись над антитезой: «Звезда — тряпка». Но смех закончился, и нужно было на что-то решиться. Посоветовавшись, мы всё-таки оставили меня на месте.

Классе в девятом одноклассник невзначай обронил, что когда-то учились у нас в школе два рыжих близнеца, одного из них на глазах другого насмерть сбила машина.

У меня внутри что-то кольнуло и ухнуло. Кто из них? Женя или другой?

В фильме «Эффект бабочки» есть ряд ключевых событий в судьбе героя, которые влияют на всю его дальнейшую жизнь. Решение — дружить или нет в начальной школе с рыжим мальчиком — ключевым назвать нельзя, но оно отозвалось болью и отправилось в черный ящик.

В старших классах всё переменилось. Школа опустела. Все, кто «понормальнее», ушли. Из двух параллелей сформировали один класс — чуть больше десяти человек. В основном из «ашек», наших «бэшек» осталось четверо.

С новыми одноклассниками отношения не заладились. Классный руководитель чётко разделила класс на «мальчиков» и «девочек», заявив, что девочек не любит, так как они все хитрые и подлые, и предпочитает работать с мальчиками.

В итоге год от года атмосфера в классе становилась всё напряженнее. Войну провоцировал взрослый человек. Раздувая конфликты из ничего, благо у подростков пороха всегда в достатке.

Мальчишки-подростки из неблагополучных семей, закрытые в школе на недели, сходили с ума. Я больше там не ночевала. Вставала в шесть и уезжала к восьми на занятия. Уроки длились дольше, чем в обычных школах, так как был дополнительный упор на русский язык.

По школе класс передвигался строем. Из столовой никто не выходил, пока все не пообедают, поэтому все дружно ненавидели Руслана, который демонстративно тщательно прожевывал пищу. На всеобщее возмущение он реагировал со спокойствием удава, отвечая, что жевать пищу полезно для здоровья. И не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой продолжал есть. В то время как остальные, желая, чтобы он подавился своей хорошо прожеванной пищей, изнывали от бестолкового ожидания.

Теперь я понимаю, что так своеобразно у парня выражался протест.

Домой после обеда никого не отпускали, а выгоняли, как стадо, на улицу. Там не было даже лавочек, выходить за периметр или просто из обзора воспитателей строго воспрещалось. Вот и ходили из угла в угол по пяточку возле школы, перемалывали со второй девочкой в классе одни и те же сплетни. Но это в лучшем случае, а чаще — мыли стены, мели территорию, кидали снег.

Мальчишкам повезло больше — весной и осенью они могли погонять мяч. Мне в мяч играть в средней школе строго-настроено запретили, потому что девочка.

На физкультуре у одноклассников одним из развлечений было запулить по нам с Ариной мячом, так, чтобы он лишь слегка промазывал мимо цели. Били они с такой силой, что штукатурка осыпалась над головами.

В такие моменты главным было не подавать виду, что тебя это как-то волнует. Не вздрагивать, не вскрикивать, а сидеть прямо и продолжать как ни в чем не бывало беседу.

Если же твои нервы не выдерживали и ты таки реаги-

ровал, то ты проиграл. Тогда мяч пинался на бис: кто ближе, кто ловчее. И так, пока физрук не выйдет из кабинета в спортивный зал.

Такой вот урок физкультуры. Он научил меня выдержке. Теперь в любой ситуации я могу окаменеть, застыть, не показывая, что мне больно, страшно, обидно, горько...

К праздникам мы в обязательном порядке делали концертную программу. Каждый класс перед всей школой должен был спеть на сцене. Хор речевых детей: что может быть «прекрасней»? Особенно если учительница музыки на каждой репетиции причитает о том, как мы ужасно поем.

Мероприятия нужны были для галочки. Вся жизнь человека в нашем государстве проходит для пресловутой галочки. Но беда в том, что галочка — это не плюсик.

Я страшно комплексовала. Поэтому одноклассникам не подпевала, беззвучно шевеля губами. Но и это замечалось. На меня покрикивали: «Тебя не слышно, Ася!» А я и не хотела быть услышанной, я сквозь землю мечтала провалиться...

Это оставило свой след. Я люблю живое пение, но вместе с тем оно меня тяготит.

Когда горит костёр и кто-то берёт гитару. Пальцы пощипывают струны, и тихая песня разливается над облюбованной друзьями полянкой. Песню подхватывают голоса ребят... На землю опускается благодать. А в моей душе просыпается буря. Я остро чувствую свою ущербность. Никогда я не смогу влиться в этот строй живых голосов, я неизбежно выпадаю.

Когда занятие в интернате заканчивались, возвращаться домой приходилось по самым пробкам, поэтому дома я была в восьмом часу. Уставшая, обессиленная от постоянного напряжения, я часто утыкалась в подушку и плакала. Мне, как интроверту, было тяжело весь день быть на виду и весь день держать оборону. Шесть дней в неделю.

В школе дни, как близнецы, наматывались одним бредовым днём сурка на годы. Хотя происходили и инциденты, которые сверхобычного отравляли нам будни.

В классе, кроме моей подружки поневоле — Арины, училась третья девочка — Нина. С Ниной мы не дружили. Поначалу пытались, но Нина была не только недалёкой, но и хитрой, коварной, завистливой. Она воровала, врала и постоянно плела интриги.

Однако то, что произошло, не должно происходить ни с кем и никогда. Ни с одной девочкой, ни с одним мальчиком. Никто не заслуживает этого. Хотя некоторые преподаватели, как я помню, решили, что Нина сама во всём виновата.

В тот день я по обыкновению приехала в школу пораньше. На лестнице меня уже поджидала Арина.

Она отвела меня в сторону и стала с непонятным восторгом рассказывать о ЧП — именно так, по-дурацки казённо, она назвала «это» вслед за воспитателями. Оказалось, что вечером двое мальчиков из нашего класса изнасиловали Нину.

Я ей не сразу поверила. Но весь ужас оказался правдой. Приезжали родители, случился скандал.

Я тогда запретила Арине обсуждать это со мной. Отгородилась от событий.

С одним из мальчиков, который изнасиловал Нину, мы дружили с первого класса. Мне не хотелось это осознать и принимать. Я абстрагировалась, пропускала происходящее мимо, даже сейчас, воспроизводя события, я с трудом реконструирую те дни.

Дело замяли, но Нину и мальчиков перевели в другие школы. Они ушли, а класс остался заклеимённый позором.

Иногда воспитательница отлучалась из класса, оставляя нас без присмотра. Из мальчишек тогда начинала

лезть вся скопившаяся в них грязь. Они зверели: орали, дрались, матерились, болтали пошлости. Обычное дело для подростков, вот только если ты не в потоке, то начинаешь тонуть в этом дерьме.

Мальчишки без воспитательницы опять разбесились. Шуточно боролись друг с другом за сердце прекрасной дамы. На роль прекрасной дамы, не спрашивая, назначили меня. Я попыталась их утихомирить, но видя, что они просто дурачатся, махнула рукой: пусть выпустят пар.

Когда я возвращалась на место, мои «рыцари» в пылу борьбы задели шкаф. Шкаф стал медленно падать. Раздался испуганный окрик. И я успела сделать большой шаг назад. Это спасло мне жизнь. Шкаф рухнул, чудом не прихлопнув «прекрасную даму».

На миг все застыли. А потом дружно грянул смех. Чтобы скрыть следы преступления от грозного ока воспитательницы, мы, смеясь и громко шутя, стали поднимать шкаф.

Но только мы вернули его на место и стали раскладывать по полкам упавшие книги, в класс ворвалась разъярённая «надзирательница» из другого класса.

— Что вы тут опять творите?! И не стыдно вам! Ведёте себя, как проститутки, а потом жалуетесь, что вас тут насилуют! — возмущённо глядя на меня и Арину, выговаривала она.

— Что вы говорите?! — прошептала я, не веря своим ушам. Она побледнела и выбежала из класса.

Я обернулась. И поняла, почему она поспешила скрыться. Казалось, что мальчишки готовы убивать. Кулаки сжаты, на лицах злоба...

Мы молча сели за парты. Наши детские забавы опозлили. Было стыдно, но не за себя.

Пришла наша воспитательница. Стала ругаться: мол, нельзя и на минуту оставить, а ей уже жалуются из других

классов. Мы, оказывается, обидели «надзирательницу». От нас потребовали, чтобы мы все пошли и извинились. Но никто извиняться не стал.

Я училась лучше остальных, потому некоторые учителя меня хвалили и ставили в пример. Хотя были и такие, как наша классная и химичка, что подрывали мою веру в себя, высмеивали мои цели поступить в университет, добиться чего-то большего, уверяли, что на фоне нормальных детей я сразу поняла бы, как сильно от них отстаю.

Химичка даже передразнивала мою манеру говорить. И я верила им. И занималась ещё усерднее.

Но меня хотя бы поддерживала семья и некоторые педагоги. Мальчишкам же было хуже. Их не хвалили за успехи, зато всегда было кому указать на промахи. Наверное, ещё и поэтому скопленную злобу они часто пытались выместить на мне.

Войну я выигрывала. Ребята меня уважали и относились ко мне лучше, чем к остальным девочкам, за которых мне порой приходилось вступаться.

В школе мне часто швыряли в спину две обзывки: «стерва» и «ведьма». Обе мне совсем не льстили, это сейчас у девочек вошло в моду быть стервами и ведьмами.

Пожалуй, тогда я всё-таки надорвала свою нервную систему. Я была в постоянном напряжении, в режиме боевой готовности. И не чувствовала себя в безопасности никогда.

Как-то утром по дороге в школу я заметила у крыльца толпу мальчишек. Там были в основном старшеклассники, но и мои одноклассники тоже.

Меня это столпотворение удивило. Обычно такими разношёрстными компаниями мальчишки не собирались.

Я обернулась.

— Эй ты, иди сюда! — наперебой стали кричать мальчишки, махая руками.

Это было странно, мне сделалось жутко, но я рассудила, что они вовсе не меня зовут, а, наверное, так дурачатся. Зачем я могла им понадобиться с утра пораньше?

Прошла мимо, больше не поворачивая головы и не вслушиваясь в окрики.

Мальчишек я внутренне побаивалась, а эта толпа и её неадекватное коллективное внимание внушали просто панический ужас.

В раздевалке я сняла верхнюю одежду и отправилась в класс, но от пережитого страха забыла в кармане куртки телефон, пришлось вернуться. Туда уже зашли ребята с улицы.

Никита — на два класса старше — обиженно спросил:

— Мы же тебя звали. Почему ты не подошла?

— Я вам не собака, чтобы меня так подзывали!

Взяла телефон и вышла из раздевалки.

— Ни фига она тебя отбрила! — услышала я смешок его друга.

Никого я не отбривала, просто перепугалась, не понимая, что им от меня нужно и как себя с ними вести. До сих пор я остаюсь в неведении, к чему был собран весь этот консилиум.

Я сожалела, что нагрубил Никите и дала повод другу высмеять его. Никита был хорошим парнем. И по запинкам во время разговора я догадывалась, что обратиться ко мне ему было непросто. Он пару месяцев назад предлагал мне встречаться через подружку, я отказалась. Они постоянно почему-то засылали ко мне девочек, ни один не подошёл сам.

В моей характеристике классный руководитель писала: «Обладает сильными лидерскими задатками, в коллек-

тиве ведёт себя властно, часто подавляет окружающих». Она была ещё тем «психологом», хотя и любила нас запугивать, что умеет видеть людей насквозь.

Никаких лидерских качеств у меня никогда не было. Скорее, наоборот, по натуре я мягкая и податливая. Я просто зачем-то взвалила на себя груз ответственности за одноклассников. Особенно после истории с Семёном.

Добрый Семёна отыгрывал в классе роль шута. Он был из другого города, поэтому практически жил в школе. Когда мама Семёна оставляла его, она почему-то подходила именно ко мне и попросила за ним присмотреть.

Травить его начали в классе в седьмом. Я всё собиралась с ним поговорить, искала удобный случай. И пока собиралась, случилась беда.

Я так и не узнала что. Я не хотела этого знать.

Семена со скандалом забрали домой. Когда его мама в слезах вышла из класса, обнимая сына, у меня в ушах звенело: «Присмотри за ним». Я была виновата — недосмотрела.

Тогда у мальчишек появился жестокий лидер — Иваньков.

Как-то в столовой не успели приготовить обед, и несколько старших классов ждали под дверью. Воспитатели пошли помогать, и толпа осталась без присмотра.

Иваньков тут же устроил представление — стал издеваться над одноклассником. Он и руки ему заламывал, и обзывал, и за уши дёргал. Тот лишь покорно умолял его отпустить. Все стояли и молчали.

— Прекрати! — не выдержала я.

— А чё ты сделаешь? — насмешливо поинтересовался Иваньков, чую новую добычу.

Все затихли в ожидании.

Если бы я начала с ним перепираться — всё уперлось бы в мои речевые особенности. Поэтому я просто смотрела на него с лёгкой усмешкой, думая при этом: «Чтоб ты подох».

Взгляд у меня бывает тяжёлый — выразительный такой взгляд.

Иваньков не выдержал.

— Не надо так на меня смотреть! — завизжал он, отбегая в сторону и грязно при этом ругаясь.

При всей неадекватности реакции он не паясничал. И действительно стал обходить меня стороной, называя не иначе как ведьмой.

Тогда мне казалось, я сделала доброе дело. Сейчас понимаю, что всё не так однозначно. Скорее всего, за свое унижение Иваньков потом отыгрался на том мальчике.

Я сыграла лишь на свой авторитет. Самоутвердилась за счет другого.

Альтруизм тоже эгоистичен. По крайней мере, мой — эгоистичен.

В выпускном классе стало спокойнее. Я научилась не принимать всё близко к сердцу. Вооружилась самоиронией и многое пропускала мимо ушей. Мальчишки тоже повзрослели, успокоились.

Картины, которые висели на стенах и так восхищали меня, в один прекрасный день мы всей школой выносили на помойку. Почти все ребята участвовали в создании этой галереи, и для всех это стало трагедией.

Выкидывали произведения искусства, потому что администрация ждала проверку из Москвы и боялась, что картины не придутся по вкусу высокопоставленным чиновникам.

Наша школа стала одной из немногих специализированных школ, которая прошла проверку.

Однако высокопоставленные чины всё-таки поинтересовались у директора: «Почему у вас тут как в казарме?»

Власти готовили почву для реализации программы «Доступная среда». Такие школы, как наша, где для каждого «особенного» ребёнка был индивидуальный подход и гарантированный социальный пакет, считались слишком затратными. В рыночной же экономике недопустимо тратить деньги на нерентабельные проекты.

Из школы я вынесла крепкие знания, букет комплексов, нервозность, замкнутость, фобии и антисценарий. Нам внушали: колледж — это хорошо, ПТУ — тоже хорошо для таких, как мы. Но я знала, что могу больше. И знала, что докажу это.

Так как мой мир был зажат двумя полюсами — дом и школа, — я до сих пор плохо ориентируюсь в пространстве. До сих пор блуждаю в жизни.

От чего бывают дети?

Несмотря на все страхи, я решилась последних два года доучиться в обычной школе.

Держалась замкнуто, ожидая, что в любую минуту одноклассники накинутся голодной сворой и дружно станут издеваться. С одной стороны, накручивая себя для обороны чести и достоинства, с другой — пытаюсь успокоить тем, что пришла не друзей заводить, а готовиться к поступлению в вуз, я сделала первый шаг к своей заветной мечте.

Однако никакой «долгожданной» травли так и не случилось. Одноклассники отнеслись ко мне спокойно и местами даже доброжелательно.

С первых дней меня поразила организация учебного процесса, а точнее его хаотичность.

В интернате на уроках мы сидели тише воды ниже травы, боясь лишний раз вздохнуть. Там залогом знаний была дисциплина.

Здесь же в классах ученики позволяли себе всё, что душе угодно: болтать, смеяться, сидеть на партах и в наушниках, огрызаться и хамить учителям. Отличница уверенно читала текст из интернета, выдаваемый за полёт собственной фантазии. На переменах скоропалительно списывалось домашнее задание.

Мир — наизнанку, к нему пришлось привыкать, приспосабливаться.

Однако списывать я так и не научилась, поэтому, наверное, до отличников так и не дотянула. По гуманитарным предметам и без списываний у меня выходило на пять. А вот точные науки вытягивала исключительно на старании. Учительница математики до сих пор, видя меня, добродушно улыбается и зовёт в гости.

Если выразаться метафорически, то мои чувства можно описать примерно так: в одной еловой роще росла чахлая

берёзка. Много лет ели заботливо нашёптывали ей, что без их теней она непременно погибнет, так как ветра, грозы, солнце и мороз — безжалостны к таким слабым растениям.

Однажды чахлую берёзку вырвали из её среды обитания и отправили жить на одинокий холм. Берёзка съежилась в ожидании мучительной смерти: сожгут, заморозят, заморят голодом, выкорчуют с корнями. Но оказалось, что ветер и солнце ласковы и добры, корни держатся крепко, а сама берёза никакая не берёза, а крепкая и статная сосна. Для полноценного роста сосне необходимо стоять особняком от всех. Но тосковать по еловым теням она никогда не перестанет.

Большая и дружная семья — это дар судьбы. В такой семье никакая буря не страшна. Тебя всегда поддержат, подбодрят, направят на верный путь.

Однако есть и обратная сторона медали. По общеизвестной присказке — в семье не без урода. В большой семье парочка таких «уродов» обязательно сыщется. Они не станут брать в расчёт твои личные чувства и стремления, а жестко и без лишних церемоний направят тебя туда, куда совсем ходить не надо. Но им именно такой путь зачем-то нужен позарез, и на этом можно ставить бескомпромиссную точку. По неопытности в этих дебрях легко заплутать.

Мама, отчим, бабушка, младшая сестрёнка — были моей крепостью. Однако порой в эту крепость, к праздничному столу, с разных концов света, слетались тётки, дяди, племянники, двоюродные братья и сёстры. Начинались хмельные разговоры «за жизнь».

Перебрав все сплетни и новости, неизбежно добирались и до меня: «А что это у твоей Аськи до сих пор никого нет? Всё, крест на себе поставила, кукла наша?! Замуж так теперь и не выйдет! До сих пор ни с кем ни разу не встречалась! А у нее там ничего не чешется?!»

Так порой безжалостно при «живой-то» мне перемывались мои бранные кости.

Мама с бабушкой, как могли, заступались, махали на гостей руками, мол, всё успеется, молодёжь сейчас смышленная — сначала себя реализовывают, а потом уже семью строят.

Повзрослев, я эту досужую болтовню стала пропускать мимо ушей. Да и не затеваются при мне больше таких разговоров. Тогда же мне было семнадцать. Подружки уже давно гуляли с парнями, влюблялись, расставались, хвастились букетами сирени на фото в социальных сетях.

Именно в те моменты смятения ко мне в соцсети добавился в друзья парень. После недолгой переписки пригласил на свидание.

Паша был студентом АлтГУ — учился на историка. И сразу же предложил с ним встречаться. Семя упало на благодатную почву.

Естественно, что никакой симпатии на тот момент я к Паше не испытывала, однако, рассудив здраво, решила, что попытка не пытка. Он был неглуп, учился в университете, интересовался историей и не чурался моих особенностей. А влюблённость в моём представлении должна была появиться позже. У моей подруге Риты с её парнем Женей случилось именно так. Чем же мы хуже?

С родителями Паша познакомил меня через пару дней. Я, не оставшись в долгу, познакомила его со своей немецкой овчаркой — Шери. Шери Пашу невзлюбила и зло на него порывивала, Паша же боялся её как огня.

Встречаться так скоропалительно с семьёй Паши не хотелось. Я волновалась, как они воспримут мои особенности, однако Паша настоял.

Его родители — представители советской интеллигенции были уже людьми в возрасте. Отсюда следовало,

что мой новоиспеченный парень — был единственным и поздним ребенком.

С его домашней матерью мы сошлись легко и быстро, она деликатно не показала виду, что со мной что-то не так. Я же в ответ робко улыбнулась и похвалила чистоту и порядок в квартире.

С отцом, преподающим историю в педагогическом университете, вышло иначе. Знакомство с ним состоялось не много позже, так как он всё время прятался в их соседней однушке, которую приспособил для кабинета, а если удариться в более точные детали — в пивнушку.

Ворвавшись на кухню, где мы мирно пили чай. Он, игнорируя меня, стал что-то сердито выговаривать сыну.

— Папа, познакомься, моя девушка — Ася, — представил меня Паша.

Я поздоровалась, встала и, улыбнувшись, протянула Пашиному отцу руку. Он пристально на меня поглядел, развернулся и вышел. Мать Паши, извинившись, последовала за мужем.

Паша смущенно попросил меня не обращать внимания. Я заверила его, что всё в порядке, и отправилась в туалет.

По дороге через прихожую я невольно подслушала разговор в соседней комнате.

— Не понравилась, — вынес мне вердикт отец Паши.

— Почему? — спросила мама. — Она же прехорошенькая.

— Симпатичная, — признал отец, — но не в моем вкусе.

Было обидно, я никак не могла понять, зачем мне быть во вкусе отца Паши. Тогда я горестно решила, что всё из-за моего шрама и особенностей речи.

Сейчас мне думается, что причина была вовсе не во мне. Всё проще — Паша для отца стал большим разочарованием, и он подчеркивал это при каждом удобном и неудобном случае.

Это был один из тех отцов, который в воспитании сына участие не принимал. А замечать его начал, когда тот уже

стал подавать внешние признаки взрослого мужчины, с которым можно вести разговоры «за жизнь», пить горькую и ходить на рыбалку тире охоту.

Вот только необходимой для всего этого мужественности в воспитанном матерью мальчике не созрело. Паша тянулся к отцу, но не мог пробиться через возведенную им стену отчуждения. Отец зло клеймил его неудачником, что окончательно добило мальчишку, укрепив в характере болезненную слабость и инфантильность.

Вот и сидел мой парень за столом на кухне над мамиными борщами и котлетами и всерьез обсуждал с ней героев программы «Давай поженимся».

Такие парни ищут в партнершах управление «сильной рукой». Мне хватило двух недель, чтобы убедиться, что я никогда не полюблю этого человека. Еще несколько недель потребовалось на то, чтобы понять, что не моей рукой этот мальчик будет веден.

В итоге я слишком затянула эту историю. Дошло до того, что меня стала раздражать даже Пашина походка и его слишком густые брови. Хотя были и более объективные причины для быстрого роста моей неприязни.

Сложилось так, что с Пашей мы или гуляли по городу, или смотрели кино у него в комнате. По моим просьбам он попробовал научить меня играть на гитаре «В траве сидел кузнечик», но мои слабые пальцы так и не освоили искусство зажимать струны.

Такой досуг мне казался вполне приемлемым. Он был бы даже прекрасным, если бы из него исключился Паша.

Паша часто сравнивал меня со своей бывшей девушкой, отмечая, что я выгодно отличаюсь тем, что не таскаю его по клубам, кафе и магазинам, выклянчивая себе подарки. В прошлом из-за трат на свою требовательную спутницу Паша постоянно был в долгах.

Мне такая похвала не льстила, скорее, наоборот, напра-

шивался вопрос: «Зачем было позволять к себе так относиться?»

Как и не льстили употребляемые в мой адрес уменьшительно-ласкательные прозвища: «зайка», «котёнок», «солнышко»... Все мои попытки объяснить, что называть меня так глупо и пошло, с треском провалились.

Болезненная закомплексованность Паши являла себя миру на каждом углу. То посреди улицы ни с того ни с сего кинется обниматься, потому что заприметил знакомых и хочет продемонстрировать им наличие меня в своей личной жизни. То привяжется ко мне с допросом: идет ли ему новая стрижка и не считаю ли я, что ему нужно похудеть.

В комнате Паши примечательными были две вещи: книжный стеллаж и постер с портретом Сталина, приклеенный скотчем на дверь. Если с книгами Паши, о которых он мало что знал, у меня, по обыкновению, завязались тёплые отношения, то со Сталиным — Пашиным кумиром на все времена — я так и не примирилась. «Отцу народов» я не собиралась прощать любимых писателей и репрессированную прабабушку.

Однажды, не выдержав вида самодовольного вождя, я посоветовала избавиться от этого безобразия на дверях. Паша соскочил с дивана и сорвал постер, скомкал его и бросил в урну. Что не понравилось мне ещё больше: парадокс женских желаний.

Довершали копившийся негатив Пашины разговоры о свадьбе и детях. Мне было семнадцать, Паше — девятнадцать. Мы встречались несколько недель. А он уже планировал, как и где мы будем жить, сколько у нас будет детей...

При этом Паша совсем не любил меня. Даже не заблуждался на этот счет. Просто до смерти боялся одиночества. Он хотел привязать меня к себе, а свадьба и дети — были надёжными средством для достижения цели.

Через шесть недель я окончательно решила, что пора

расстаться. Нас ничего не связывало, и по неопытности я представляла, что всё будет просто. Поэтому даже не подумала, что нужно выбрать более подходящее место для таких новостей, чем Пашина квартира.

Мы стояли в центре его комнаты, люстра целилась в нас пластмассовыми сосульками. А за окном догорал последний месяц лета.

Я была спокойна. Говорила легко. Объяснила, что мы разные люди, у нас разные цели. И любви между нами никогда не будет, а значит, и будущего у нас нет. На что он заявил:

— Это неважно! Хочешь, я изменюсь?

— Это невозможно!

— Начну бегать. Подкачаюсь...

— Да дело не в этом! — тяжело вздохнула я, он даже здесь всё понимал по-своему. — Разве ты не хочешь, чтобы тебя принимали таким, какой ты есть? Для меня это важно. И любовь важна.

— Мои родители и без этого всю жизнь прожили.

— Что же хорошего?! — возмутилась я.

Что-то щёлкнуло на этом моменте. И парень сломался.

— Я сейчас Лиде напишу, я с ней до тебя общался! — в отчаянии пригрозил он, кинувшись к компьютеру.

Сел и, открыв страничку в «ВК», стал что-то лихорадочно набирать на клавиатуре.

— Замечательно, — пожалала я печами, намереваясь уйти. — Удачи!

Паша вскочил со стула и как ошпаренный побежал к выходу. Закрыв двери на ключ, а ключ спрятал в карман.

— Я тебя не выпущу! — истерично произнёс он.

Я присмотрелась к нему. Его состояние было далеко от нормы. Он весь дёргался, со лба стекала капля пота, лицо перекошило.

Мама и бабушка работали в психиатрической больнице. Из их рассказов я знала, что психам нельзя показывать

страх. Собственный опыт взаимоотношений с трудными подростками тоже пригодился.

— Рано или поздно я отсюда выйду, — стараясь сохранить спокойствие, сказала я, присаживаясь на диван. — В соседней комнате — твои родители. Паша, я начну кричать, если ты меня не выпустишь, — но закричать я не решалась.

Паша бегал по комнате. Размахивал руками. Умолял остаться. Угрожал. Я хранила молчание.

— Давай закончим, — наконец, попросила я, устав от плаксивого монолога. — Прекрати! Меня уже тошнит!

— Может, ты беременна?! — совершенно обезумев, выдохнул он.

— У нас с тобой ничего не было, для того чтобы я забеременела, — осторожно напомнила я.

— А вдруг? — с надеждой сумасшедшего покачал он головой.

Пот сбегал с него уже ручьями, глаза поблескивали.

Мне стало ещё больше не по себе. Мы с ним только целовались, и, насколько мне было известно, от такого дети не рождаются. Однако я в этом мало что смыслила, поэтому стала сомневаться, а вдруг?

— Если да, я сделала бы аборт, — жёстко отрезала я.

— Я покончу с собой! — взвыл Паша, трагикомично заламывая руки.

— Это будет твой выбор, — металлически заметила я.

— И ты не будешь чувствовать себя виноватой?! — пробовал он нащупать почву для манипуляций.

— А с чего бы?! — пожалала я плечами. — Ответственность за твои решения лежит только на тебе!

— Но ты будешь виновата!

Я встала, намереваясь постучать в дверь и подключить к ситуации его родителей. Однако к выходу подойти мне не дали. Паша бухнулся на колени, обнял мои ноги и расплакался.

Казалось — это никогда не закончится. Он рыдал, канючил, выпрашивая ещё один шанс.

Я же окаменела. Его унижение стало моим унижением, будто это не он, а я встала на колени. Но я скорее ноги бы себе сломала. Молчала, терпела, изнывая от стыда. Жалости к Паше не было — только нестерпимая гадливость. К горлу подступала тошнота.

Паша поднялся только тогда, когда у меня все занемело. На подоле длинного сарафана осталось мокрое пятно от его пота и слёз.

— Ну и уходи! — с обидой выкрикнул он. Подошёл к двери и выпустил меня на волю.

Я вышла в прихожую. Из кухни выглянули взволнованные родители. Я попрощалась и поспешила прочь.

За спиной Пашина многоэтажка нависла каменной глыбой, перекрыв собой свет и воздух.

Солнечные блики весело пробежались по луже, подмигнув мне, мол, все будет хорошо — дыши. Ветер коснулся плотно сжатых губ, напрашиваясь на улыбку. Я вздохнула и сделала шаг, второй...

Расслабилась я рано. Паша нагнал меня и пошёл провожать до остановки.

Я надеялась, что он взял себя в руки. Но концерт продолжался. Разговор шёл примерно так:

— Теперь стану таким же, как отец, — тоже буду постоянно пить.

— Я думаю, что твою маму это очень огорчит.

— Тогда ты должна остаться.

— Никому ничего не должна.

Паша вёл себя как избалованный ребёнок. Как видно, при помощи манипуляций он привык добиваться от своей мамы всего, что пожелает. И теперь испытывал этот метод на мне. Но я чувствовала, что у него шло это не от сердца, а от банального «хочу».

— Друзьям скажу, что это я тебя бросил!

— Можешь говорить что угодно.

— Пойду и напьюсь сегодня...

Никогда прежде мужская слабость не вызывала у меня столько презрения. Хотелось одного, чтобы он уже оставил меня в покое.

Мне повезло, на остановке стоять с ним не пришлось. Спасительная двадцатка, пыхтя и задыхаясь ядовитыми газами, примчалась быстро и вырвала меня из этого кошмара навсегда.

То, как мы расстались, стало моей маленькой тайной. Мне было почему-то стыдно и противно рассказывать про то, как Паша стоял на коленях.

Дома меня встретила мама. Я уткнулась ей в плечо и горько расплакалась.

Мама гладила меня по голове, утешала:

— Ну что ты так убиваешься? Может, ты всё же поспешила? Помиритесь.

— Нет, не поспешила — наоборот... Мне просто жаль его, — шмыгала носом, соврала я. — Mam, а вдруг я беременна?

От этой мысли по спине пробежали мурашки. И вновь затошнило.

— А у вас что-то было? — осторожно поинтересовалась мама.

— А если бы было, я бы почувствовала? Мы целовались, — честно созналась я.

— И всё?

— Всё.

— Ась, — она вздохнула, — когда тебе было двенадцать, я же тебе давала читать романчики для женщин. Ты же их читала?!

— Читала, но там какие-то гроты и копыя, а потом небеса... Я это пропускала... ерунда какая-то. Mam, а ты можешь мне купить тест?

— Куплю, — отсмеявшись, пообещала мама.

Тест оказался отрицательным. Однако тревога только нарастала — месячные не приходили. Мама уговаривала меня не переживать, объясняя, что задержка может быть из-за стресса. Но ей всё же пришлось купить мне ещё один «отрицательный» тест.

Когда я попросила купить третий тест. Мама наотрез отказалась. Проворчав, чтобы я лучше изучила, от чего бывают дети.

Месячные всё же пришли, и надобность в изучении отпала.

На биологии в школе мальчишки на теме деторождения слишком оживлялись, поэтому она всегда пропускалась.

Моя неосведомлённость в этом вопросе стала анекдотом для подруг.

— И что, тебе не любопытно? — интересовалась Рита — подруга детства тире младшая сестра отчима.

— Нет.

— И когда по телевизору кто-то целуется или парень тебя целовал, то внизу живота никакого волнения не возникает?

— Нет. Мне скорее как-то неловко.

— Я усажу тебя насильно и будешь смотреть фильм про это!

— Не стану ничего смотреть!

Я почему-то сопротивлялась со звериным упорством. Однако по итогу жизнь взяла своё, и я сдалась. Только к изучению подошла неправильно. Включила на компьютере первый попавшийся порноролик.

— Мерзкое зрелище, — резюмировала я.

Это оказалось далеким от моих представлений о чудесном слиянии душ на небесах.

Все эти женские крики, стоны, мольбы о пощаде казались жуткими. Вид мужского «достоинства» — пугающим. Фрейд ещё придумал какой-то комплекс кастрации

у женщин. С таким чудовищем между ног удивительно, как мужчины вообще живут? Понятно, почему они ходят и сидят враскорячку — несчастные создания.

Успокоившись, я рассудила, что, возможно, это безобразия скрашивает и облагораживает любовь.

Глупых вопросов после ознакомительного сеанса возникло даже больше, чем до программы просвещения. Меня, к примеру, заинтересовало, почему во многих языках в качестве одного из самых грязных оскорблений закреплен призыв отсосать. Из этого следует, что женщина, доставляя мужчине таким образом удовольствие, волей-неволей унижает себя в его глазах?..

На моё гордое к очередной Ритиной шуточке «Я изучила весь процесс!» Рита подозрительно сощурила глаза.

— Ну, давай, в двух словах: секс — это...

Я попыталась отнекиваться, но поняв, что иначе она не поверит, выдала:

— Это когда мужчина тыкает своей палкой в дырку женщины.

— Ты просто ненормальная, — рассмеялась она.

— Так и есть, — вздохнула я.

Ненавистный когда-то интернат всё чаще вспоминался с ностальгией. Память старательно подтерла всё плохое. События сжались и вместе с тем расправились в одно щемящее ощущение детства. Его не вернуть, я, сама того не сознавая, уходила от него всё дальше и дальше...

Герой не этого романа

Тогда моя сила заключалась в прямотушии, в чётком понимании, что такое хорошо, а что такое плохо.

Мир был дуален. Он делился на чёрное и белое. Но годы эти границы размыли. Я научилась различать другие оттенки. Мир оказался сложнее моего представления о нём. Добро и зло — понятиями относительными: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

В этом моя трагедия. Меня это подломило. Я больше не могла быть уверенной в своей правоте. Постоянно во всём сомневалась. Особенно в себе.

Бывает, жизнь проворачивается на 180 градусов, с ужасным скрежетом смещаются её оси. Какой стержень может это вынести? Мой треснул.

Все ориентиры прошлого сместились к противоположному полюсу. У меня больше не было точки опоры в себе. Я нуждалась в том, кто спасёт меня. В том, кто даст мне эту гравитационную постоянную.

Но нашла я другое. Нашла то, что толкнуло меня прямоком в бездну.

В закрытой школе жизнь представлялась ясно расчерченной на клетки доской. Люди делились на чёрные и белые фигуры, и я отыгрывала роль белой королевы.

Жизнь за пределами закрытых систем сложнее. В ней никто не расчерчивает твои будни на клеточки. Свой путь ты определяешь сам. Это интереснее, но и намного сложнее, опаснее — ты можешь легко потеряться и потерять и никогда не найти и не найтись. Наверное, поэтому люди до сих пор тяготеют к тоталитарным режимам. Свобода — это непросто.

Я без труда поступила в один из лучших университетов в городе. У меня была цель, я к ней шла, а когда пришла, она потеряла всю свою привлекательность.

¹ И. Гёте «Фауст».

Первая пара. И слова старого преподавателя, которыми он нас встретил: «Вы никому не нужны! Запомните это!» И его прощальные слова: «Вы никому не нужны! Вы вступаете в мир монстров, что называются «права» и «свободы». Вы — рабы в этом мире, и ваша задача — стать хотя бы маленьким, но рабовладельцем. Тогда вы сможете этими свободами пользоваться. Это капитализм, ребятки. Съешь — иначе съедят тебя!»

Мой путь от первой фразы до последней, путь в пять лет жизни — это путь соприкосновения с самыми тёмными материями, которые зовутся властью, политикой, системой.

Я не могла поднять знамя и начать бороться за свои идеалы. Я знала историю: самые кровавые, самые страшные её страницы писали романтики да идеалисты. И даже когда им удавалось убить дракона — они сами становились драконами.

Было и другое. Дружба. Настоящая, светлая. Первый поход в клуб. Первая гулянка. Приход на пары с похмелья. Посвящение. Дебаты. Шутки. Концерты. Одногруппники: все разные, все ненормальные — все интересные.

Преподаватели с горящими глазами и преподаватели с глазами потухшими. Столовая, в которой пересиживали нежелательные пары. И неловкость момента, когда в очереди обнаруживался издевательски улыбающийся преподаватель той самой пары.

Всё это было-было...

Мне сложно перевести в слова то, что случилось со мной весной первого курса. Слишком живая боль.

Это то, что со всеми бывает по весне. То, что обычно переживают подростки. То, что пришло ко мне с большим опозданием. И то, что так и прошло мимо меня.

Я не сумела ухватить его. Даже краешком зацепиться не сумела.

История возникла в моей голове и там же она умерла. И я вынуждена была долгое время ходить с её разлагающимся трупом в душе. И смрад отравлял всё вокруг.

«Пришла пора, она влюбилась» — строки из Евгения Онегина, такие затёртые, что отдают пошлостью, но такие точные, что хочется цитировать вопреки избитости.

В то время мне так сильно хотелось найти постоянную точку, от которой можно шагать и к которой можно возвращаться. Я ощущала жгучую потребность любить и быть любимой. Найти этот спасательный круг, отдышаться и отогреться.

Пришла именно пора — весенняя пора, и я разбилась.

Осень. От университета я живу далеко. Поэтому часто зависаю у Риты с Женей — они вместе с шестнадцати лет, мы друзья — родственники по Рите.

Осень. Я сбежала с последней пары. Был намечен план: дождаться Женю и идти в кино.

Рита занималась готовкой, доверив мне самое «любимое» — почистить картошку. Я умею чистить её тоненько-тоненько, так научила меня прабабушка, которой довелось жить во время Великой Отечественной войны, а потом и в девяностые.

В дверь постучали. Женя пришёл не один, а с другом по университету, Владом.

Это был высокий нескладный парень. Тёмненький, с карими глазами. Немного дёрганный, как будто через него пропустили слишком много тока и он не знал, куда девать избытки энергии. Вполне симпатичный.

Я много слышала о нем до знакомства. Вернее, слышала какие-то странности о каком-то чудаковатом парне. Улыбалась этим рассказам.

По дороге в кино мы говорили о книгах. В кинотеатре сидели рядом. На душе было тепло, радостно, спокойно. Это был один из немногих парней, что не внушали мне страх и тревогу своим присутствием.

Весна. Чудесный теплый день. У меня в руках два билета в кино, и я решила позвать Влада. Он казался мне интересным, с ним я чувствовала себя относительно комфортно. Но сама я пригласить его всё равно стеснялась. Попросила Риту помочь.

И вот после занятий я стояла и ждала Влада в холле кинотеатра. Я пришла раньше, а раньше приходиться хуже, чем опаздывать, потому что я начинаю жутко нервничать и накручивать себя.

Заметила его сразу. Высокий, худой, он шагал пружинистой походкой и в упор меня не замечал.

Я окликнула, но он целеустремлённо прошёл мимо.

Тогда я попыталась его догнать. Он зашёл в коридорчик, я шмыгнула следом.

— Влад, — ещё раз попытала я удачу, и он обернулся. — Привет, — неловко улыбнулась я.

— Привет, — смущённый, он перемялся с ноги на ногу. — Я сейчас в туалет схожу и пойдём.

Только тут до меня и дошло, куда меня завёл этот коридорчик. Я стояла посередине мужского туалета.

— Ага, — выдохнула я и пулей выскочила прочь.

Я медленно стала подниматься по лестнице на второй этаж с кинозалами. В тот момент мне хотелось повернуться и уйти. Было нестерпимо стыдно. И ещё меня раздирал истерический смех от всей нелепости ситуации.

Влад нагнал меня на ступенях. Мы стали ждать сеанс. Разговор не клеился. Я мысленно обругивала идею позвать его. Он, видимо, чувствовал моё настроение, но, как ни старался, никак не мог его «пробить».

В зале неловкость сгладилась. Завязался разговор.

После кино Влад предложил зайти в кафе, но я отказалась. Было уже поздно, и я боялась не успеть на автобус. Тогда он пошёл провожать меня до остановки.

Сам он из другого города. Я же мучилась проблемой ориентации в пространстве.

Мы стояли на остановке. Влад вёл беседу, шутил, искренне интересовался мной. На вопросы о себе я отвечала неохотно, его же рассказы поначалу меня очень увлекли.

Однако автобус никак не приходил. Я начала нервничать и всё больше уходила в себя. В конце концов Влад заметил:

— Может, мы не на той остановке стоим? Тот автобус, о котором ты говоришь, кажется, останавливается вон там.

И тут до меня дошло, что мы действительно стоим не на той остановке.

— Наверное, да, — проямлила я. Это был апогей моей бестолковости.

Мы перешли на нужную остановку, но автобусы уже перестали ходить.

Я стала искать телефон, чтобы позвонить Рите, она жила неподалёку.

Сумка же у меня была просто огромной. Я положила её на лавку и залезла туда практически с головой. Долго там копалась. Но телефон не находился.

Влад, глядя на мои мучения, предложил позвонить мне. Я долго отказывалась, мол, отключён звук. Он всё-таки набрал, и телефон нашёлся.

— Влад, поезжай домой, а то и ты не уедешь, — опомнилась я.

— Я провожу тебя до Риты.

— А тебе далеко ехать?

— Нет, всё нормально. Я провожу. Ты хоть знаешь, куда идти?

— Ну, я найду, — пробормотала я.

Он снисходительно хмыкнул и повёл меня к Рите.

Вечер случился удивительно тёплый. В воздухе томно разлилась весна. Мне вновь сделалось спокойно и легко. Влад говорил, говорил смешно и остроумно. Складно так говорил, слушать его хотелось все сильнее. Но вместе с тем он был внимателен к тому, что говорю я.

Мы пришли к Рите. Женя был на работе в ночь. Мы втроем сидели и пили чай. Я вызвала такси.

— А ты, Влад, тоже на такси?— спросила Рита.

— Нет, я пешком, — пожал он плечами.

— Так далеко же очень? Как ты пойдёшь по темноте?

— Да норм всё, — отмахнулся он.

Я не знала, куда себя девать от стыда. Я представляла, что он пойдёт один, по темноте, непонятно, в какую срань, и делалось так тошно. Мне сразу навоображались бандиты, которые непременно его изобьют.

Моё такси пришло. Я уговаривала Влада остаться у Риты, но он категорически отказывался.

Я ощутила, что ещё немного и расплачусь, и он это понял.

У него тогда сделалось такое страдальческое лицо. Он тяжело вздохнул. И сделал вид, что заночует у Риты. Я же сделала вид, что поверила.

Потом я часто ставила тот вечер в сослагательное наклонение. Если бы, то я бы не сошла с ума... Если бы, то он не возненавидел бы меня после... Если бы, то я могла бы быть счастливой...

Его доброта меня подкупила. Я влюбилась. Думаю, именно тогда и влюбилась.

Он как-то спросил: «Когда я успела им вдохновиться?» Всё тогда же, когда и влюбилась. В тот вечер. Ты хотел понравиться, ты понравился.

Мы переписывались целыми днями. Обсуждали всё подряд: фильмы, книги, музыку.

Влад оказался настоящим писателем. Я была в восторге. Показала ему свои корявые стихотворения:

Дом

Я так хочу такой дом, где свет фонаря за окном, начало сентября. Где лестницы прямо в окнах. В камине тлеют дрова. Листья кружат в запотевших стеклах. Я так хочу общий быт. Он слишком, наверное, прост. Там суп на плите забыт из-за запаха моих волос. Я так хочу по утрам поднимать тебя своим смехом. Яичницу жарить к блинам — аромат кофе с пенным приветом. Болтать с тобою ночами и днями, придумывать разные нам миры. Сидеть обнявшись часами. И шептать про мечты. Хочу согреть после бед поцелуями в тихую ночь. Ненавидеть всех, кем был ты задет. В суете дней всё превозмочь. Так хочется стать, взять и стать твоим кровом. Тогда не так больно знать, что только с тобою возможно быть дома.

Он похвалил, хотя работы были слабыми. А у него тогда уже получались прекрасные рассказы.

Случилось еще несколько встреч.

Мы с компанией Ритиных и Жениных друзей ходили на фестиваль красок.

Когда мы встретились с Владом, он пожал руку Жене, приобнял Риту и задумался, как поступить со мной. Решившись на дружеские объятия, шагнул вперед. Я проигнорировала его выпад и, кивнув, прошла мимо. Это плохо, но когда мне неловко, так срабатывает моя защита.

Я себя корила потом. Хотя не думаю, что его это очень уж опечалило.

Он сразу влился в новую компанию. Я не вписалась, как это обычно со мной и бывает. Спасаясь от своей неловкости, я отстранилась от всех.

Когда почти все разошлись в разные стороны и мы оста-

лись вчетвером, я, прощаясь с Владом, сама подошла и обняла его.

Рита с Женей пошли вперёд. На мгновение мы остались вдвоём. Я почувствовала себя в его руках в безопасности, под какой-то доброй, трогательной защитой.

Мы стояли так, наверное, чуть дольше, чем требуется. Я нехотя вышла из зоны его комфорта. Сказала: «Пока» — и догнала Женю с Ритой.

Он окрикнул нас:

— А может, ещё посидим?

Мы сгруппировались и стали обсуждать, что можно ещё поделать.

Я молчала. А он вопросительно смотрел на меня.

Нет, они все трое вопросительно уставились на меня. Ох, нельзя так на меня смотреть — я тогда становлюсь сама не своя, пассивно-агрессивной злокой.

Я пожала плечами с нарочитым безразличием, мол, плевать мне.

Он качнул головой.

— Ну, ладно тогда.

Мы все же разошлись. И мое самоедство не знало границ. Мне бы предложить просто посидеть, посмотреть кино. Но я не нашлась с ответом.

Мы продолжали переписываться.

Я в то время слегла на несколько недель. Заболела всем и сразу: затемпературила, воспалилось горло, а через пару дней ещё и крапивница — страшно отекло и тело, и лицо. Глаза превратились в щёлки, руки и ноги отяжелели.

Влад именно тогда позвал меня пойти с ним в гости к Рите с Женей, поболтать в живую о книгах Пратчетта.

Мало того, что я жила на другом конце города, так ещё и чувствовала себя ужасно и выглядела соответствующе. Пришлось отказаться.

Ответила, что не хочу, не объяснив при этом, что болею. Болеть мне всегда было стыдно. Мне показалось,

что он немножко обиделся, и я вновь долго себя терзала, что не объяснилась с ним нормально.

Я сама его потом позвала сводить меня на Парад Девятого мая. Он не очень-то желал это делать. Но я настояла.

Толпа народу. Шум. И некомфортно обоим. Влад завел меня в книжный, видимо, чтобы не убивать свой день окончательно.

Это было чудесно. Запах книг. Он о каждой мог что-то сказать, о каждой имел какое-то мнение.

Потом он проводил меня до остановки.

Мы говорили про фильм и книгу «Впусти меня». Влад любил этот фильм, а вот книга ему понравилась меньше. Я смотрела только кино и спрашивала, чем они отличаются, мол, обычно-то наоборот — книга удачней экранизации.

— В книге героиня жертва педофила. А в фильме люди её жертвы. В фильме она ужаснее, страшнее, — эмоционально объяснял он. — В книге есть момент, когда этот педофил дал ребёнку денег за то, что он ему отсосал.

— Фу, не надо этого, — поморщилась я.

Но Влад продолжал. Ему, казалось, доставляло удовольствие, что мне так неприятно. Как мальчишка, которому в радость, когда девочка взвизгивает, оттого что он дёргает её за косички.

Тогда я повернулась, внимательно на него посмотрела и резко спросила:

— А тебе понравилось?

Довольное выражение спало с его лица. Оно сделалось таким забавным, растерянным и смущённым.

— Нет. Конечно нет!

Я не сдержалась и стала над ним смеяться. Такого коварства он от меня не ожидал.

Пепел, и ничего больше

Я бы хотела, чтобы он остался светом. Я не хотела его отправлять в чёрный ящик. Но я так им горела, что он стал абсолютно черен — обуглился во мне и вряд ли простит меня за это, потому что я себя никогда не прошу.

Влад получил диплом и уехал. Он долго сидел в своём маленьком городке рядом с маленьким городком, в котором сидела я. Но каждый день эти города становились всё дальше и дальше.

Мы по-прежнему переписывались. Поначалу я ещё старалась не писать первой. Потом плюнула.

Но такое общение себя неизбежно исчерпывало. Я, зацикленная на нём, теряла себя в пустых фразах ради фраз. Пытаясь оживить разговор и вывести Влада хоть на какие-то эмоции, часто выводила на негатив.

Он же всё больше общался ссылками на фильмы и пересылками своих диалогов с друзьями. Он будто тыкал мне — «вот здесь мне интересно и смешно, а с тобой тухло». И я так старалась соответствовать критериям интересной и смешной, что получалось смешно и скучно.

Все больше сгущались краски в моей голове. Особенно когда он переслал свой диалог с Лерой.

Влад находил её высказывания крайне остроумными и смешными. А я расплакалась, долго не могла успокоиться.

Я знала о Лере. Рита ещё до знакомства с Владом рассказывала мне, что Женин друг Влад безнадёжно, со школы, влюблён в одну-единственную девушку. Он хранит ей верность и каждый год ездит в другой город, пытаясь добиться её расположения.

Я тогда умилилась этой истории: такая романтика, почти невозможная в наше время.

У Влада на странице «ВКонтакте» хранились его рисунки. Два портрета Леры.

Он хорошо рисовал — явно был талантлив и в этом. Леру он прятал от всех, скрывая даже в списке друзей. Она была его самым личным, самым заветным другом. И он защищал её от постороннего внимания.

Гадкая, я всё равно нашла её страничку. На фото — симпатичная, живая, с гитарой в руках, видимо, хорошая певица.

Впервые я себя с кем-то сравнивала. Как меня это отравляло.

Конечно, я искала в Лере изъяны, чтобы хоть немного казаться лучше на её фоне. Лучше для него. Но неизбежно — даже там — я ей проигрывала.

Страшно обижалась на него. Из-за пустиков.

Потом он уехал ещё дальше. Я знала, что наши маленькие города не для него. И это неизбежно должно было случиться.

Москва ему подходила. Ему, энергичному, полному жизни, талантливому, — подходил этот бешеный город.

А что же я? Я была в отчаянии. Переписка так и затухла. И реанимировать наше общение я была бессильна.

Я — как русалочка, а он — как принц, который выбрал не меня. Я стала пеной...

Я решилась написать ему о своих чувствах и поставить точку в этой истории. Сказать себе, что сделала всё, что могла, и даже больше. Ведь я — девушка традиционного склада. Мне это далось вопреки себе.

Но писала я ему не про любовь, а про то, как мне тяжело испытывать то, что я испытываю. Я и хвалила его, и вместе с тем тон был такой мрачный, что будто бы и обругивала.

В общем, смешное детское признание.

Закончила я требованием того, чтобы он не смел мне отвечать. Грозил, что, если он прикопается, — я удалю его и добавлю в чёрный список.

Отправила дрожащей рукой. И, смешно сказать, ждала ответа всю ночь, хотя запретила ему отвечать.

Ответ был самым важным. Пусть он ответил бы мне в духе Онегина, но получить «нет» иногда даже важнее, чем «да».

Я думала, что больше никогда его не побеспокою, что это поможет мне. Может, если бы я получила твёрдое «нет», если бы он ответил, то было бы легче.

Но хотя «нет» и подразумевалось — оно не прозвучало, и это дало лазейку моей совершенно больной привязанности разрастаться дальше.

Тогда я и стала сходить с ума. Влюблённость деформировалась в психическое расстройство. Я понимала, что это ненормально, но ничего не могла с собой поделать.

Чем больше я сопротивлялась чувству, тем сильнее оно прорастало во мне. Я не знала, как с этим справиться.

Выждав какое-то время, я снова ему написала. Мне иногда хотелось переломать себе пальцы, чтобы не писать ему. Но я не могла остановиться. После безуспешной борьбы всё же садилась и что-нибудь ему скидывала.

Он стал предельно вежливым, осторожным. Даже где-то стерильно осторожным со мной. Хотя иногда он, выходя из равновесия, рубил что-нибудь резкое в рамках пресловутой вежливости.

Я чувствовала себя как никогда одиноко. Как никогда осознавала все свои несовершенства, всё своё ничтожество.

Я не могла от него никуда деться. В каждой книге в образе главного героя мне мерещились его черты. На музыку и фильмы я смотрела через призму того, что он мог бы сказать о них.

Круговорот Владов в голове. У меня не было опыта, я не умела с этим справляться, просто не знала как.

Мы рассорились всё-таки с Ритой. Ей было больно на меня такую смотреть, она чувствовала себя виноватой.

Она не могла меня понять. Так бывает, когда у людей разный жизненный опыт.

Но Рита меня очень любила, и моя боль её ранила, она защищалась от неё агрессией.

Когда я написала о чувствах Владу, она пришла в бешенство. Позвонила, наорала, что я никчёмная, слабая, не могу взять себя в руки.

Она была права — такой я и была. Но не эти слова мне были тогда нужны от друга.

Спустя пару месяцев Рита, окончательно устав от происходящего, решала, что если я не могу поставить точку, то она возьмёт это на себя.

Наверное, так было правильно. Она попросила Влада удалить меня из друзей в «ВК» и добавить в ЧС. Влад лишь спросил: «Мне надо знать зачем?»

Конечно же, ему не нужно было знать. Это всё, о чём он спросил, чтобы вычеркнуть меня.

Но в ЧС он меня не добавил, а зря. Если уж рубить головы, то до конца. Иначе получается как-то негуманно.

Влад никогда не решался сделать всё до конца.

Люди немного фениксы – постоянно должны возрождаться из пепла или существовать в виде пепла под ногами.

Всё на миг замерло в статике одного весеннего вечера и рухнуло в пропасть.

Влад. Имя глухо отдаётся в каждой частичке меня. И нет просвета в тоске, нет даже теней, лишь тьма. А мне бы хотелось отыскать в этой истории свет.

Влад помог мне в реализации моего таланта. Он поверил в меня – первый человек со стороны, который поверил в меня.

Влад всегда был не просто парнем — он был писателем. Его рассказы увлекали, он хорошо владел даром слова, и устного, и письменного.

Как-то, уже после моих пространных признаний, я написала рассказ, вдохновляясь Владом.

Рассказ был кошмарно-нелепым, но Влад тактично мне этого не сказал. Он убедил меня походить на писательскую студию.

Я пришла туда, вся дрожа от волнения, не в силах чётко выразить свои мысли. Боясь их выразить. Мои особенности, как всегда, меня стесняли. Но руководитель студии — Светлана — требовала, чтобы высказывались все без исключения.

Там было много талантливых девочек, и поначалу я чувствовала себя не на месте. Мне, как интроверту с особенностями, всегда сложно вливаться в новый коллектив.

Но я убеждала себя, что, если Влад посоветовал, значит я должна попробовать. Это всё, что у меня от него осталось. То редкое, реальное, а не надуманное.

Терзало, что он совсем забыл обо мне в водовороте быстрых дней быстрых городов.

Девочки из студии вскоре привыкли к моей речи и приняли в свою литературную семью. Со Светланой мы сдружились. Она видела во мне талант и упорство. Многие девочки «улетали», предпочитали литературе другие интересы, а я оставалась и переживала свой трагичный опыт через творчество. Я нашла в этом отдушину.

Я всё больше проникалась доверием к Светлане. И мне казалось, что она, сопоставив всё, знает про Влада. Поэтому однажды я обмолвилась о нём в разговоре.

Она не догадывалась и очень удивилась: «Ася, Влад?! Это же просто Влад! А я думала, чудовище какое-то!»

Мы долго потом смеялись над моим гипертрофированным образом Влада.

Может быть, я бы всё пережила тогда. Как бы глубоко в меня это ни засело. У меня почти получилось переболеть. Почти случился Костя...

Но Влад вернулся. В моём затемнённом сознании вернулся, потому что так нужно было судьбе. Для меня. Для меня в меня. Иначе же просто не могло быть.

Студия девочек вскоре распалась, и я перешла в более взрослую, смешенную группу, где уже был совсем иной уровень текстов и личностей.

Наши пути с Владом вновь пересеклись. Влад сам невольно вплёл меня в свою жизнь. Студия-то была общая.

Конец как точка в вечности

Мне бы хотелось, чтобы я осталась для него светом. Но я отбрасывала слишком много тени.

В университете давали открытые лекции по филологии. Многие из нашей студии ходили туда. И там я его увидела вновь.

В аудитории села как можно дальше. И когда Светлана после звала всех на чай — отказалась, даже слишком поспешно, отчего вышло грубовато.

В тот момент я боялась, что Влад будет чувствовать себя неловко, что я как бы навязусь в его компанию.

На вторую лекцию он немного опоздал и подсел ко мне. Совсем рядом. Так близко, что наши ноги соприкасались.

Это волновало. Я смущалась, и вместе с тем было хорошо, и за то, что хорошо, я ругала себя всё время лекции.

В тот день у Влада был день рождения. Я приготовила для него подарок. Рассуждала так: если смогу подарить — подарю, если нет, то оставляю себе.

Накануне, катаясь на коньках, я разбила ногу и поэтому прихрамывала. Когда мы вышли из аудитории, я отстала и уже думала, что вот и всё — сейчас он уйдёт и так и не поздравлю. Но, спустившись, обнаружила, что он одевается у гардероба.

— Влад, подожди меня немного, пожалуйста, — попросила я, подавая номерок гардеробщице.

Он кивнул. Дождался, пока я оденусь.

Мы вышли. Я вытащила из сумочки свою любимую книгу Дж. Фаулза «Волхв».

— Вот. Поздравляю тебя.

— Спасибо, — на его лице отобразилась такая светлая, почти детская радость. — Спасибо большое. Давай я тебя провожу.

Светлана советовала мне поговорить с ним. Но у меня опять всё застряло где-то поперёк себя, и я выдавила только:

— Влад, ты не обижаешься на меня?

— Нет! Нет, конечно. За что бы я на тебя обижался? Не обижаюсь.

Влад делился со мной эмоциями по поводу одной из переписок в чате. Там некий господин подником позволил себе грязно оскорбить чью-то маму. Влада возмущало, что он не понесёт за это никакого наказания.

— Я бы хотел, чтобы появился супергерой, которых всех этих уродов карал бы.

— Так стань им, — улыбаясь, предложила я.

— Я не могу, — смущённо рассмеялся он. — Не могу...

Мы стояли чуть в стороне от остановки. Мне вновь стало неловко. Опять думала, что утруждаю его собой. Хотя он и не подавал никаких признаков, я уже прекрасно научилась думать за него.

— Ну всё, иди уже!

Он заулыбался и, на пару шагов придвинувшись ко мне, остался стоять.

Я удивилась: чего это он остался? Неловко меня вот так бросить? Может, хочет что-то сказать или сделать?

Подняла на него растерянный взгляд. Он улыбнулся, и мне показалось, что он стал наклоняться ко мне всё ближе... Я запаниковала.

— Автобус, — облегчённо выдохнула я и спешно затрусила к двадцатке, бросая на ходу. — Пока!

Потом была общая студия. Моя пассивная агрессия, его пассивная агрессия.

Мы сидели там на расстоянии вытянутой руки, а иногда ещё ближе. Но между нами была пропасть неслучившегося разговора.

Ни он, ни я не могли расслабиться. Я так даже говорить нормально не могла в его присутствии. Мямлила что-то, вкупе с моим дефектом, думаю, это производило неизгладимое впечатление. Было даже радостно, когда Влад не приходил. Тогда говорить было легче.

Он сносил всё с видимым безразличием. Старательно транслировал мне это безразличие. Я старательно напускала безразличие на себя.

Однажды я узнала, что он жалуется на меня Жене. Узнала через Риту, которая попросила меня не бесить Влада.

Поначалу я всеми силами Влада от себя огораживала. Старалась не навязываться. И мне было обидно, что он говорит обо мне плохо Жене.

Женя был и моим другом, единственным мальчиком — другом.

На следующую студию я пришла обиженной донельзя. Даже головы в сторону Влада не повернула. Вела себя, будто его не существует.

А он, видимо, чувствовал вину. Когда студия подошла к концу и все стали расходиться, он встал, схватил за чем-то мою куртку.

Я равнодушно отвернулась, продолжая сидеть и говорить со Светланой.

Он сел обратно на стул с курткой в обнимку. Тут на него уже стали коситься остальные студийцы. Я продолжала игнорировать.

В итоге он вынужден был вернуть куртку на место и, попрощавшись, уйти, так и не дождавшись меня.

Не знаю, чего он хотел этим добиться. И не знаю, чего всем этим хотела добиться я.

Всё шло по нарастающей. Копились мелкие обиды. Я Влада тогда просто возненавидела из-за того, что с собой сделала. И из-за того, что он ничего сделать не мог.

Мне хотелось, чтобы он хотя бы чуть-чуть понял, как мне больно. Хотелось ему объяснить. Я писала рассказы, где старательно выписывала свою боль, страхи, одиночество. Он злился и отдалялся ещё сильнее.

Я уже специально хотела его задеть. Я хотела вернуть ему ту боль, которую чувствовала. И однажды мне это удалось. Я написала очень правдоподобный рассказ.

Не принцесса

Время высасывает жизнь. С каждым годом пустоты становятся всё более ощутимыми. И однажды ты проваливаешься в них.

Вот я стою здесь перед зеркалом. Босые ноги мёрзнут от холодного пола, и кожа уже покрылась маленькими пупырышками.

Из своего «я» мой разум осмысливает бледное маленькое тело. Вид очень хрупкий, беззащитный. Тонкие ноги, тонкие руки, талия, пожалуй, чуть менее тонкая, чем модно сейчас, но в рамках стройности.

Откидываю назад слегка вьющиеся, почти чёрные волосы. Разглядываю грудь — красивая округлая форма, разве что далековато они друг от друга. Вздыхаю.

На носочках, я всегда хожу на носочках, над чем любит подсмеиваться мама, я подхожу к стулу, где приготовила свои вещи. Надеваю новое нижнее бельё, тонкие холодные пальцы щекочут кожу. Кожа приятная на ощупь, раньше я и не замечала, какая она гладкая и нежная. Проглатываю ком и снова на носочках прохожу к шкафу-купе с зеркальной дверцей.

Красные кружева призывно оплетают грудь мягкими штрихами, подчеркивая её форму. Чёрные чулки гармонично сочетаются с чёрными элементами на красном белье. Да, примерно так выглядят девушки со страниц интимных журналов. Такое зрелище вроде должно очаровывать мужчин.

Я зло усмехаюсь и ехидно поправляю себя: не очаровывать, а возбуждать.

И тут же ёжусь от холода, что поднимается изнутри и заставляет содрогнуться всем телом.

Мне не обязательно поступать с собой так. Я могу остаться дома с книгами. Мои зелёные глаза смотрят на меня из зеркала с мольбой. Вид, честно говоря, жалкий. Если я буду вот так вот смотреть, то меня захочет разве что какой-нибудь «насильник из джунглей».

Я отворачиваюсь и безжалостно надеваю платье. Из тех, которые, когда их надеваешь, позволяют выглядеть ещё более обнажённой, чем когда снимаешь одежду.

Мне двадцать два года, напоминаю я своему отражению. Я уже старая дева...

Звонит телефон.

— Мы уже едем! — слышу весёлый жизнерадостный голос Кати. — Ты где?

— Буду выходить через минут пять, — стараясь подхватить её волну, отвечаю я.

— Мы тебя ждём там!

Я сажусь на стул. Растерянно оглядываю свою комнату. Ничего особенного тут нет: всё тот же диван, всё те же полки книг и компьютерный стол. И почти вся моя жизнь изо дня в день проходит в этой комнате.

Закрываю лицо руками, готовая поплакать, но вспоминаю, что тогда тушь с моих ресниц зальёт лицо и оно потеряет свой призывный лоск.

Сегодня в моих планах отдать своё тело первому встречному. Душу мою принимать не захотели, может, хоть тело кому пригодится?

Глупости нужно творить легко.

Самая крепкая ненависть рождается из самой сильной любви, так думала я раньше, считая, что любовь — это чудо, которое побеждает всё и всегда. Ну, в общем, начиталась сказок и женских романов.

Сейчас же я могу сказать, что из самых мечтательных романтиков получаются самые отъявленные циники.

Вот я, и я понимаю, что с каждым годом я старею. И с каждым годом мир всё больше тускнеет, истирается для меня. Раньше я жадно ловила знания об этом мире, накидывалась на книги, и всё вызывало трепет, восторг, интерес. А теперь... Всё кажется таким безвкусным, бесцветным. Будто мне не двадцать два, а все сто двадцать два.

Вызвала такси. Поднимаюсь со стула. Надеваю сапоги и шубу. Усмехаюсь от мысли, что отморожу свою задницу с этими чулками, даже просто добегая до машины. Жду звонка.

Мне хочется чувствовать хоть что-то настоящее. Чувствовать, пока я ещё умею хотя бы что-то чувствовать. Ещё три года назад, когда я влюбилась, я чувствовала, наоборот, слишком сильно. Это безумное нездоровое чувство разрывало меня изнутри. Оно казалось вечным, но оно прошло. Выжгло всё на своём пути, оставив бесплодную землю, и развеялось в пыль.

На самом деле это было лишь желание заполнить своё пустое «я» другим «я». Желание растворить себя в кислоте другого человека. И теперь, зная, что всё это надуманно и продиктовано моими программными установками, я могу сказать, что я не стану больше совершать глупости и выдумывать себе любовь и возлюбленных.

Остается лишь секс. Его в жизни всё же стоит попробовать. Если миром движет не любовь, то, значит, похоть. Значит, нужно узнать, что это такое, пока я не состарилась.

Такси едет быстро по опустевшей предночной дороге. Начало января. Повсюду ещё горят праздничные огоньки. Их свет напоминает о новогодних чудесах, которые никогда не происходят.

Лысоватый таксист косится на меня в зеркало и пытается флиртовать.

«Может, и не надо ехать в клуб?» — издевается мой внутренний голос.

Я смотрю на наглого таксиста холодно и надменно (это всегда работает) и игнорирую его глупые шутки. Он затыкается наконец. Наконец-то только тишина и ночь.

Я снова смотрю в окно. И прихожу к выводу, что у меня кишка тонка и я просто потанцую и вернусь домой.

От этой мысли я чувствую облегчение. «Для кого тебе себя беречь, дура? И зачем?» — издевается мой внутренний голос.

Ненавижу клубы. Я утратила к ним интерес ещё в прошлом году. Раньше было весело, забыв обо всём, танцевать с подругами. Музыка и алкоголь дурманят, и ты вся отдаёшься звукам и дикому первобытному веселью. Но с каждым разом всё ближе видишь другую сторону этих заведений.

Когда я сказала себе, что больше туда не пойду? Думаю, когда ко мне подошёл молодой парень и крикнул в ухо, что хочет меня трахнуть.

А... нет, мотаю я головой, последней каплей было, когда меня попытался какой-то придурок затащить в туалет. Тогда стало очевидно, что это за танцы в свете софитов.

А может, дело в том, что ты можешь чувствовать себя чистой в грязном месте, только когда ты сам чист, но стоит по твоему телу пойти трупным пятнам от похотливых чужих рук, и ты ощущаешь только смердящий запах повсюду.

Захожу в клуб. Охранник на входе отпускает дебильную шуточку, я отвечаю тупой улыбкой. Нет ничего лучше, чем глупенькая хорошенькая девушка, для неё самой же так намного проще. Это даёт ей легкость и воздушность, ауру таинственности и ещё кучу других преимуществ и лишает её многих проблем.

Охранник подмигивает мне и с видом, будто он владелец этого клуба, машет рукой, мол, проходи. Так и хочется засмеяться ему в лицо, развернуться и уйти.

Девчонки машут мне из-за столика. Их хорошенькие лица раскраснелись от алкоголя и танцев. Танцпол заполнен людьми, которые, будто дикое стадо первобытных зверей, прыгают в свете софитов и клубах сверкающего дыма.

Думаю, мне нужно напиться по сильнее. Тогда всё окажется намного проще и легче. У кого-то лёгкость врождённая, а кому-то приходится её добывать крепкими напитками.

Ненавижу пить! И состояния опьянения ненавижу!

И тем не менее — коктейль в студию!

Вот один и второй. И всё уже не так плохо.

Иду танцевать. Танцевать я люблю. Я тут среди людей и будто совсем одна, а музыка несёт меня, качает на своих волнах.

— Смотри! — кричит мне в ухо танцующая рядом Катя. — Тут наши любимые одноклассники.

И правда, у стойки сидит Костя, а рядом его друг Артём.

У Кости песочные волосы, подстрижены по моде. Одет он тоже соответственно: узкие штаны, свободная футболка. Высокий, худой, харизматичный, с пронзительным умным взглядом. Нравится девушкам и прекрасно это понимает, что, на мой взгляд, обесценивает всю его привлекательность.

Он проявлял ко мне интерес в прошлом году, и это мне льстило. Иногда приятно, когда тобой интересуются, но я его, как и всех прочих, игнорировала, и интерес остыл.

Костя оглядывается, и наши взгляды встречаются.

Внутри у меня ёкает от ужаса, я понимаю, что, скорее всего, это случится.

Его я хотя бы не первый раз вижу. И не так страшно будет.

Я поправила волосы.

Заиграл медляк, и в голове щёлкнуло. Моя викторианская сущность встаёт на дыбы, а ноги идут к стойке.

Подхожу к Косте и протягиваю ему руку. Он растерянно

смотрит на меня. Я вопросительно поднимаю бровь. И он ведёт меня к танцполу.

Совсем мальчик ещё.

Я кладу руки ему на плечи, он обнимает меня за талию, очень бережно, будто боится, что я сломаюсь.

Тело помимо воли деревенеет в его руках, мне неловко и сложно, когда ко мне прикасаются. Единственным исключением были прикосновения лишь одного человека на свете. От кончиков его длинных пальцев по телу проходили искорки, и становилось тепло. Но те прикосновения были случайными. И мне не хотелось бы таких его прикосновений.

Но всё это ерунда.

От Кости пахнет сигаретами и пивом. Я стараюсь расслабиться и кладу голову ему на плечо. Сердце у него так колотится.

Чужое сердце, чужое плечо.

Изнутри меня опять идёт этот жуткий могильный холод.

Скоро музыка перерастёт в другой тон, поэтому нужно успеть соблазнить свою жертву, я ведь сегодня что-то вроде коварной искусительницы.

Проблема только в том, что я совсем не умею флиртовать, предпочитая совершенно шокирующую прямоту. Вот и сейчас брякаю ему в ухо, правда, как можно более интимным голосом:

— Ты не хочешь позвать меня к себе, Костя?

Я медленно поднимаю на него глаза. Это вроде как приём такой. Я видела его в фильмах. Но всё равно, наверное, со стороны это выглядит как кривляние.

У Кости, что называется, отвисла челюсть. Надеюсь, это не мой взгляд «искусительницы» повергнул его в такой шок?

Он нервно проводит рукой по золотисто-песочным волосам.

— Зачем? — выдыхает он, пристально глядя на меня.

Я молчу, и мне хочется провалиться сквозь землю, прямо сквозь землю. Ох же, черт! Но пути назад у меня нет.

Костя наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я невольно отстраняюсь.

— Ты не из таких девушек, — уверенно усмехается он. — Давай я вызову тебе такси, и ты поспишь дома.

— Ну, значит, найду кого-нибудь другого, — с вызовом говорю я.

Меня злит, что он вот так вот говорит о том, какая я, будто я маленькая девочка.

— Нет. — Он удерживает меня за запястье. Внимательно на меня смотрит и вдруг соглашается. — Хорошо, поехали ко мне.

Уже на выходе нас догоняет Катя.

— Ты никуда не поедешь! — категорически заявляет она, схватив меня за руку.

— Поеду! — отвечаю я, отбирая свою руку обратно.

Костя деликатно отходит в сторонку и закуривает.

— Послушай, ты перепила! Потом ты будешь жалеть об этом, — уговаривает меня Катя.

— Катя, всё в порядке, — твёрдым голосом говорю я, от чего она удивленно поднимает брови. — Я так решила. Уже давно пора. Ты не находишь?

— Но не так же! — Её красивое лицо выражает обеспокоенность.

— А как?! — зло спрашиваю я и уверенно добавляю: — Какая разница?!

Она смотрит на меня с жалостью, это меня злит до самой настоящей ненависти. Я отворачиваюсь и иду к Косте. Катя в спину мне кричит быть осторожнее.

Садимся в такси в полной тишине. Такое напряжение. Надо было сильнее напиваться. Чтобы совсем уж ничего не чувствовать.

На счастье, Костя живёт совсем близко. Пять минут, и мы уже проходим в его квартиру.

— Что случилось? — спрашивает он, как только мы переступаем порог.

Видимо, мужчины на своей территории становятся смелее.

Я снимаю шубу.

Так... Как там в фильмах ведут себя распутные женщины? Кажется, снимают поскорее с себя одежду и принимают призывную позу.

Моё воображение тут же рисует картинку, и мне становится смешно.

Я улыбаюсь сама себе. И это немного разряжает атмосферу.

— Почему должно что-то случиться? — как можно более непринуждённо отвечаю я.

Костя берёт мою шубу и вешает в шкаф. Я разубаюсь и иду за ним в комнату.

— Потому что ты сейчас тут и, кажется, хочешь, чтобы я тебя отымел, — грубо говорит он, стараясь скрыть смущение. Открывает окно, садится на подоконник. Достает сигарету, подкуривает. Выдохнув дым, спрашивает: — Нахера?

— У тебя есть что-нибудь выпить? — Я сажусь на диван и разглядываю комнату.

Комната как комната, похожа на мою, только без книг, зато гитара есть.

— Тебе уже хватит, — резко говорит он. — Тебе нужно поспать, завтра поговорим.

— Я достаточно трезвая, — спокойно отвечаю я ему.

— Ты не из таких девушек, — снова повторяет он.

Кажется, он тоже живёт среди нереальных, вымышленных людей.

— Мы с тобой не общались толком никогда. Откуда тебе знать? Я такая же, как и все остальные, — возражаю я. — Может, я тебе не нравлюсь?

— У меня есть девушка, — говорит он. — А ты красивая. Интересно, где ты была раньше?

— И что? При чём здесь твоя девушка? — спрашиваю я, как самая наглая циничная тварь. — Она ничего не узнает.

Он смотрит на меня как-то совсем страшно. Спрыгивает с подоконника, подходит ко мне, приподнимает моё лицо за подбородок.

— Ну, ок, — говорит он с неприязнью. — Значит, хочешь трахнуть?

— А ты нет? — с вызовом усмехаюсь я, будто и не я. Но все же самая настоящая я.

Он слегка наклоняется и целует меня. И мне становится страшно, что он сейчас вот поймёт, что я совсем не умею даже целоваться, и засмеётся надо мной.

Он растёгивает платье. Вот я уже осталась в одном белье. Я не хочу этого. Не готова. Я пытаюсь оттолкнуть Костю, но он очень сильный.

Прикрываю глаза.

В памяти всплывает другое лицо, и на секунду мне кажется, что глаза на этом лице с осуждением смотрят сейчас на меня.

Пусть уже будет что будет.

Резкая боль портит моё зарождающееся веселье. На глаза наворачиваются слёзы. Я закусываю губу, но из горла всё равно рвётся крик.

Костя что-то мне шепчет в ухо. И боль проходит. Вполне терпимо, однако неприятно и грязно.

Я потом ещё долго лежу, отвернувшись к стене, из глаз текут слёзы. Размазанная тушь меня уже не беспокоит. Мне стыдно, обидно. А изнутри, как будто в меня засунули дикий холод.

Костя матерится и нервно курит у окна, а я думаю, что ничего более унижительного с человеком быть не может.

Я наконец нахожу в себе силы подняться с кровати, закутавшись в простыню, которая, по всей видимости, служит Косте одеялом, подхожу к окну. Вид открывается красивый. Ночной город в огнях.

— Нахера?! — зло спрашивает он меня.

Смотрит так, будто сейчас ударит. Нехороший взгляд, но мне плевать.

— Дай попробую, — устало говорю я и протягиваю чуть дрожащую руку к сигарете. Затягиваюсь, и тут же в горле першит, я кашляю.

Он закатывает глаза и отбирает сигарету.

— Знаешь, ты просто дура! — Он откидывает со лба волосы. — Почему ты не сказала?

— А какая разница? — пожимаю я плечами.

— Разница есть, — возражает он. — Я бы сделал это иначе. Я бы вообще не делал этого! Ты дуручка, я всегда думал, что умная, а на самом деле ты такая же, как другие.

— Я тебе о том и говорила.

— Я люблю свою девушку, наверно. Да, сейчас понимаю, что люблю.

Он ещё верит, что любовь существует, но уже предаёт её. В эту минуту он мне отвратителен. Я отворачиваюсь, чтобы не выдавать своё презрение, понимая, что на самом деле я презираю себя и просто сейчас мне удобно проецировать это на него.

— Вызови, пожалуйста, такси, я хочу домой, — говорю я. — Об этом никто не узнает, по крайней мере от меня, считай, что не было.

Собираю разбросанные вещи. Принимаю душ, вода приятными потоками струится по телу, я усиленно пытаюсь отшоркать свою кожу от чужих прикосновений. Вместо этого оставляю на ней лишь красные отметины. Снова надевать вещи на себя противно.

Костя провожает меня до двери и уже с порога говорит:

— А ты мне нравилась, очень.

Я не оборачиваюсь.

Люблю ездить по ночному городу в такси.

Слёзы вымыли остатки алкоголя. Да, такое с собой можно делать лишь ради потомства, которого я не хочу.

Что значит стать зрелым, взрослым человеком? Перестать врать себе и принять себя такой, какая я есть?

Я долгое время думала, что это безответная влюблённость обратила меня в кусок льда. Что она выжгла внутри все эти дыры. Но на самом деле я всегда была такой. Просто, начитавшись сказок, я считала, что девушка непременно должна быть принцессой, влюбиться в принца и быть верной ему вопреки всему до конца своих дней.

И я надела маску принцессы на свои холодные черты. Я прилежно выучила роль. Я убедила всех, что я принцесса, я даже сама в это поверила.

Время пришло, это мог быть любой человек, но подвернулся тогда именно он. Я наложила на него свои иллюзии и мечты, а когда они разбились о реальность, как полагаются в таких случаях, страдала. Но всё это ложь, страдания вымышленной героини по вымышленному персонажу. А правда в том, что я не принцесса и уже никогда ею не стану.

***

Влад отказался высказываться по рассказу и даже решился со мной поговорить.

Со студии я тогда ушла раньше, на посиделки в кафе с подружками. Он вышел на лестничную площадку вслед за мной. С угрожающим видом заявил, что нужно поговорить.

Я надевала шубу. А он молчал. Стоял как можно дальше от меня. Раздражённый, неуверенный. И ещё, кажется, он меня побаивался.

— Слушаю? — как можно более холодно спросила я, зная, что лучшая защита — это нападение.

— Когда в следующий раз такие рассказы будешь присылать, предупреждай меня, чтобы я их не читал.

— М-м? Не очень понимаю, какие именно?

Он тяжело вздохнул. А мне бы хотелось, чтобы он дал волю себе, чтобы накричал. Ведь я, дрянь такая, прекрасно понимала, что он имеет в виду. Но мне нравилось, что он стоит и мучительно пытается выбрать слова помягче.

— Ну, хорошо, я учту, насколько это будет возможно.— Я стояла как можно более прямо и старательно смотрела на него свысока. Мне впервые эта возможность представилась – я была на каблуках и стояла на ступенях, а он на площадке, отчего мы почти сравнялась в росте.

На этом разговор был окончен. Он ещё пару минут помялся, я развернулась и пошла вниз.

Потом он гордо сообщил Жене, что поговорил со мной. Рита меня спрашивала, о чем мы поговорили. А я, кроме хохота, даже ответить ничего не смогла.

Надо же, ещё и похвастался.

Я не остановилась на рассказах и написала роман. Там я тоже старательно выписала боль, страхи, отчаяние. Получилось плоско. Слишком темно, без контрастов, оттого монотонно и неправдоподобно.

У меня никак не получался главный герой, прототипом которого был Влад. Я решила для раскрытия персонажа взять кусочек из рассказа Влада. Роман, в конце концов, посвящался ему.

Я испросила у Влада разрешение. Он в ответ очень трогательно заверил, что не сомневается во мне как в авторе, хорошо владеющем словом. Но окончательно решит всё, как только прочтёт роман.

Влад вёл себя дружелюбно. И я поверила ему. А он опять пошел и нажаловался Жене.

Сделалось паршиво. Ведь меня по-настоящему тронуло, что он так по-доброму, так бережно ответил мне на мою просьбу.

Я решила, что надумала себе весь негатив, игорячо спорила с Ритой, что Влад хорошо ко мне относится.

Но её аргументы было нечем крыть. Я опять выдала желаемое за действительное.

Я его бесила, и он прикрыл это повышенным градусом теплоты, избегая открытого конфликта.

Роман обсуждали на студии. Мне каждое слово врезалось в сердце. Каждый студиец, в силу доброго отношения ко мне, старательно смягчал критику. Но в моём обострённом — до самого нерва — состоянии даже эта мягкая критика казалась ударами кувалды.

Светлана так трогательно пыталась всё это сгладить — видно было, что переживала за меня.

Влад начал разбор с того, что озвучил количество страниц и что он всё это сумел-таки осилить. Он был жесток. Объявил всем, что вот, дескать, просила меня Ася дать свой рассказ для романа, но я вот прочитал и решил, что рассказа мне для такого говна жалко.

Конечно, сформулировал он более тактично, но суть от этого не менялась. Было обидно, что именно при всех. Явно желая и порисоваться, и подковырнуть меня.

Сейчас, задним числом, я понимаю его. У него и так было много ко мне доброты и терпения. Не каждый парень так стойко будет выносить одержимых им «особенных» девушек.

Разве я не сама на это напрашивалась всё время? Оттого и вдвойне больнее, что сама.

Тяжёлая дорога вела меня обратно к дому. Мне казалось, я никогда больше не буду писать.

Я долго плакала у мамы на плече. А она меня долго утешала.

Рита сообщила эту новость резко, в своей манере:

— Он не один, ясно? У Влада есть девушка, поняла!

Слова застучали в голове. Я не смогла сдержаться и разрыдалась. Навзрыд, отвратительно задыхаясь, мешая это с истерическим смехом. И нескоро смогла успокоиться.

— До сих пор, Ась? Какой это уже год? Четвёртый? Я думала, ты уже закончила с этим! — осуждая, покачала головой Рита.

Я и сама от себя не ожидала такой реакции — не ожидала, что это причинит мне такую нестерпимую боль.

— Это же должно было когда-то случиться! Неужели ты не понимала?

Я всё понимала. Но не была готова. Почти пять лет он оставался один.

— А кто? — спросила я, догадываясь кто.

— Я не скажу!

— Лера, да?

— Даже не смей меня спрашивать!

Я и так знала. Кто же ещё? Конечно же, его ненаглядная Лера наконец-то ответила взаимностью.

Имя у неё такое круглое, неприятное. Он добился своего. Сказка со счастливым концом. А второстепенные герои... Разве кого-то интересует их судьба?

Но что же она? Разум говорит, что она хорошая девушка, если он её выбрал и так долго любит. Да и правильно он выбрал. Меня выбирать нельзя. Я — невыбираемая.

Но есть и эмоции, они пакостные, завистливые, они злорадствуют, что Лера с ним только потому, что никого лучше так и не подвернулось.

Она никогда его так, как я, не полюбит. Но в целом это больше плюс, чем минус, — никто не должен так кого-то любить. Это ненормально. И это не любовь.

Который день пытаюсь удержать содержимое желудка. Получается не очень. С тех пор, как все узнала, я не могу ни есть, ни спать.

Мне кажется, из темноты за мной что-то наблюдает. Не помогает ночник. Я полночи рыдаю, а остальные полночи трясусь от страха.

Меня бросает то в жар, то в холод, сердце колотится, и вновь слезы.

Утром я могу спокойно не есть — никто не заметит. Убегаю на учёбу, с учёбы на подработку, и только к вечеру дома. А вечером надо хотя бы делать вид, что ем.

— Что-то ты как-то ешь, будто без удовольствия, — подозрительно глядя на меня, вздыхает бабушка. — Что-то случилось?

— Да она и вчера такая была, просто устала, — привычно застывает мама.

— Да, устала, — и на секунду даже сама в это верю.

— Вон как похудела, смотреть страшно, — ворчит бабушка.

Ноги ватные, слушаются с трудом. Очень холодно — холод идёт изнутри и пробирает до костей. Я то и дело вздрагиваю, судорожно передёргивая плечами.

Всё же не удерживаю ужин и стараюсь как можно незаметнее проникнуть в туалет. Меня выворачивает наизнанку. И пространство сворачивается до чёрной точки унитаза.

«Ты как?» — который день спрашивает Рита в «ВК». «Нормально», — который день отвечаю я. Но сегодня добавляю: «Не спрашивай меня больше». Она медлит некоторое время и с обидой пишет: «Ну и не буду».

Она волнуется. Но она ничем не поможет. А её вопросы — словно ежедневные платочки для Фриды, что не дают покоя в аду.

Мне никто не может помочь — ни я сама, ни близкие. И даже он не смог бы. Мне так больно, а он — невольная

причина этой боли. И боль не проходит. Она стоит в одной позиции — комком в горле.

Я ни о чём не могу думать. Ничего не могу. Лишь прошу в пустоту — «пусть это пройдёт». Ведь ещё чуть-чуть, и я сдамся. Ведь я держусь только ради мамы. Она не заслуживает такого.

Жизнь несправедлива — так все живут. Все страдают, и мои страдания, если сопоставить с чужими, — нелепы. Но мне плевать.

Я слабая. Боль — это всё, что я могу и не могу. И на счетах камушки один к одному в неправую сторону — от жизни к смерти. Мне страшно умереть. Но я умираю.

Руки и ноги после рвоты дрожат. Я шмыгаю в ванну и привожу себя в порядок. Надеваю маску, будто я ещё жива.

Думаю о том, что, не будь я такой деревянной с ним, я, возможно, и не бесила бы его так.

Он не видел меня живой. Встретив его, я утратила всю живость, всё тепло. Я бы и рада была отдать их ему, но он не взял, и оттого всё ушло в пустоту, и ко мне не вернулось.

Наверное, с ней ему легко. Лёгкость — это важно.

У меня не будет детей. И будущего нет. Останутся только эти писульки в семейном архиве. Я вся уйду в буквы, фразы. Я буду жить в этих неточных словах. Я всю себя искручу на этой мясорубке, порежу, издеру в черноту печатных строчек. Жаль, что мне приходится с собой закручивать и тех, кто прикоснулся к моей жизни.

Его бесило, что я осмысливаю его «я», что я выкручиваю его на бумагу рядом с собой. А Косте даже льстило.

Почему я не позволила Косте себя спасти? Может быть, я бы сейчас не умирала так глупо.

Позвонила Рита и спросила, не собираюсь ли я закончить с собой. Мне сделалось смешно — совершенно искренне. А потом она потребовала в этом поклясться. Это плохо — я поклялась. Но все равно смешно.

Нечестно винить Влада — он не виноват. И она не виновата. Дело не в ней. Нет разницы, с ней он или без неё. Он всегда был с ней. И никогда не был со мной. Ни на единую секунду не был — в том и соль.

Лежу в темноте и прошу умершую прабабушку. Прошу её, чтобы боль ушла. Прошу помочь и в слезах засыпаю.

Утром встала. А внутри пустота. Звонкая, как мороз по зиме.

Мне никак. И в этом «никак» — мне так хорошо, что я поела и улыбнулась впервые за эти дни.

Ушло всё. Все мысли о Владе, все чувства. Будто его стерли ластиком из меня.

Потом видела его ещё пару раз на студии. Он стал чужой. Ничего не отозвалось. Его будто выжгло из меня. Не осталось ни ненависти, ни любви, ни страха. Только пустота.

Потихоньку я стала оживать.

Влад уехал с Лерой в Северную столицу. Я не пришла на студию попрощаться. Не потянуло.

Сказка и чудо случились для него. Для кого-то в жизни должны случаться сказки.

Нельзя думать о суициде — мысли материальны. Я так долго отрицала в себе себя. Так долго отрицала своё тело, свою женскую природу, что теперь они стали отторгать мою душу.

Этот конец поставил точку в моей вечности. Что ж, не очень-то и хотелось.

Наедине со своими трещинами

Возможно, когда-нибудь люди, как в компьютерных играх, научатся сами моделировать себе оболочку. Тогда моя беда потеряет актуальность, как и беда других физически неполноценных людей. Хотя уверена — это породит ряд других проблем, в том числе и потерю человечности.

Я была инвалидом детства. И каждый год проходила ВТЭК. На этой комиссии решалось, продлевать или не продлевать мою группу. Как будто за год может прилететь волшебник и снять моё проклятие. С меня всё-таки сняли... инвалидность, а дефект почему-то оставили.

Мне было девятнадцать. Врачи, принимавшие решение, отошли чуть в сторонку. Но я всё прекрасно могла слышать: «Девочка такая хорошая, жалко», — тихо сказал мужчина, на что женщина, тяжело вздохнув, заметила: «Да, хорошая. Но в нашем государстве и молча можно мешки таскать».

Я была согласна с этим решением. За много лет в очередях я насмотрелась на больных детей и больных взрослых. Диагнозы — один страшнее другого превращали жизнь человека в одну беспросветную муку. На их фоне я была более чем здорова.

Вот так я включила свет в тёмной комнате, рассмотрела все свои трещинки и царапины.

Пожалуй, мой чёрный ящик уместился в пару страниц. Осталось вновь запечатать его крепкой печатью забвения и запихнуть подальше.

За окном мчит поезд. Я засыпаю под стук колес, он кажется таким родным, таким утешительным. Это как слушать своё сердце. Тудух-тудух, бушует оно в груди неукротимым желанием жить.

Уже через сон я думаю — взять бы билеты и уехать от себя. Туда, где люди говорят на другом, чужом языке.

Я встала непривычно рано и поехала гулять на речной вокзал. Набережная уже кипела народом и развлечениями.

Гулять одной в толпе людей мне нравится. Мысли встают на место и обретают более четкое направление.

На улице ещё прохладно. На асфальте поблёскивают невысохшие после ночного дождя лужи. Их мутные поверхности ловят в себя кусочки неба с перистыми облаками.

Почему же я не могу носить в себе небо? Для того чтобы нести небо, мне нужно лишь поднять голову, тогда глаза поймают осколок голубой лазури в вышине.

Но если всё время смотреть вверх, то споткнёшься и упадешь. Лучше смотреть вниз, тогда больше шансов пройти этот путь, не изувечив себя.

Я слишком чувствительна, как человек без кожи, — каждая шероховатость мира оставляет шрамы. Где другие спокойно шли бы мимо, я мыльным пузырьём раздуваю проблему.

Иногда получается лопнуть нарывы. А иногда раздуть размером с космос. И приходится жить в этих пузырях, смотреть на мир сквозь их мутные искажения.

Я закончила университет.

Нужно было искать работу, реализовывать себя как полноценного человека. А я боюсь, что у меня этого не получится.

Профессию я выбрала по антисценарию, подготовленному школой, там мне внушали: «Хорошо бы тебе где-нибудь в архиве работать, с людьми тебе никак».

Вот я и пошла учиться на коммуникации. Но есть и правда жизни. Кто возьмёт меня на работу с такой речью? Казалось, что никто.

Мама советует пойти отучиться на медсестру. Уверая, что без работы я не останусь — медики всегда нужны.

Пойти учиться на медсестру — это как принять постриг. Я так это чувствую. Облачиться в белое, спрятать волосы

под колпаком, остричь ногти, перестать пользоваться косметикой и красиво одеваться, носить халат ниже колена и тапочки без каблуков. Ты должен взять на себя чужую боль, больница — место, где «боль кладёт человека ниц».

Монахини отдают свою душу и жизнь Богу, а я могла бы отдать их человеческой боли. Я думала, что смогу, что я сильная. Прожить хотя бы не напрасно этот отрезок времени, продышать его не зазря....

Как-то жаловалась Рите на свою неполноценность. Говорила о том, что меня никто никогда не любил, что это всё потому, что со мной что-то не так.

Она возразила, что я просто никому не позволяла себя любить.

Я сказала: «Это всё потому, что как только я открываю рот, у многих такое лицо становится, что даже выразить не могу».

Она ответила, что у всех свои проблемы. Например, полненьким девушкам тоже несладко.

Я парировала: с лишним весом можно бороться. Это трудно, но сделать-то что-то можно, а с моим ужасным голосом я ничего поделать не могу.

Она все же признала раздражённо: «Знаешь, у тебя действительно проблемы. — Я сокрушённо покачала головой, сглатывая ком жалости к себе. — Но не те, о которых ты мне сейчас говоришь. У тебя проблемы с головой!»

Думаю, более точной характеристики моих проблем нельзя было дать.

С речного вокзала пошла пешком, решила пройтись по магазинам. Не знаю, что меня потянуло, я не любительница шопинга.

По разным берегам

Я стояла у витрины и смотрела на Костю. Даже не верилось, что это он.

Но вот его слишком длинная чёлка падает на глаза, и он привычным движением откидывает её назад. Это получается у него красиво, может, даже нарочито красиво.

Я слышала, что он временно работает в магазине. В его руках вместо привычного телефона — книга.

Силюсь рассмотреть обложку: Д. Оруэлл «1984».

Зайти, поболтать об антиутопиях? Усмехаюсь, как будто и в самом деле могу вот так просто зайти поболтать. Ещё подумает, что я специально искала с ним встречи.

Костя, мой одноклассник, накопил долги и взял академ. Я не видела его, пожалуй, месяца четыре. И не сказать, что за это время соскучилась.

Но встретить его оказалось приятно. Это невероятно, что я случайно наткнулась именно на него. Хотя, наверное, в этом ничего невероятного нет.

На первом курсе Костя производил отталкивающее впечатление.

Мне он казался избалованным, богатеньким мальчиком, чрезмерно озабоченным собой. Нарцисс, от которого следует держаться подальше.

Я и держалась, обходя всю их «элитную» компанию стороной.

Весна. Первый курс.

В столовой людно. Прежде чем встать в очередь на раздачу, нужно было занять место, положив на стул сумку, в противном случае существовал риск стоять с подносом и ждать, пока освободится чей-нибудь столик.

И вот я возвращаюсь с подносом к занятому мной месту, а на нём в окружении млеющих девчат вольготно рас-

селся Костя. Ещё и сумку мою громадную умудрился водрузить на стол.

Меня это возмутило. С одной стороны, места свободные были, а в их шумную компанию мне садиться не улыбалось, с другой — я привыкла отстаивать себя. И восприняла это как личное пренебрежительное отношение. Что, как показывал опыт, спускать нельзя.

Я подошла и со всей надменностью, которую могла в себе собрать, приказным тоном повелела:

— Костя, вставай!

Повисла тишина. Он с непониманием уставился на меня

— Ну, давай, жду! — Я продолжала гнуть своё, от испуга вцепившись в поднос.

Он совершенно искренне не понимал, что и почему от него требуют, вопросительно косился на окружающих девушек.

— Ты занял её место, — шепотом подсказали ему.

Костя, наконец-то сообразив, что от него хотят, извиняясь, поднялся.

Я гордо села под неодобрительные взгляды девушек. Мне хотелось забиться под стол.

Костя не оставил дам в беде. Он подтащил стул с другого столика, девочки потеснились, и он примостился в общую компанию. Но при этом случайно задел локтем неустойчивый стол, и тот накренился.

На моём подносе разыгралась трагедия — кофе плеснуло на порцию лапши, окончательно испортив мне всякую охоту есть.

— Господи, зачем я только сюда сел? — пробормотал Костя, сжавшись в комок.

Я этот вздох отчаяния проигнорировала, вообще никак не комментируя случившееся. Но подумала то же самое относительно себя самой: «Сдалось мне это место!»

Удивительно, что смешливые студентки не обожали этот момент, ведь ситуация была комичной донельзя.

Я любила наблюдать за студентами, сидя в столовой.

Как-то раз я обедала. Столовая была полупустой. Я поглядывала на весну за окном, наслаждалась моментом.

Зашли одноклассники, Костя и Дима. Подсели за мой столик, хотя вокруг была куча свободных. Уже одно это меня не порадовало.

Видимо, я служила для них предметом интереса, потому что они, не стесняясь, стали обсуждать личную жизнь Кости. Меня сие интересовало меньше всего, тем более в тех подробностях, которые мне предлагали услышать.

— Да я хоть отжираюсь последнее время, — похвастался Костя. — Она нормальную еду готовит, а то на дошике достало сидеть.

— Да, хорошо тебе, — с завистью заметил Дима. — И с сексом, наверно, теперь всё зашибись?

— Нет, там не очень, — грустно признался Костя. — У неё какие-то проблемы. Она пока не даёт.

Я порадовалась, что смогла проглотить кофе, не поперхнувшись от смеха.

С одной стороны, от такого потребительского отношения к девушке меня, как романтическую натуру, начитавшуюся сказок, корбило. Ещё больше корбило, что это обсуждается при посторонних ушах, при мне обсуждается! С другой — меня это страшно забавляло.

Есть больше не хотелось, а на подносе осталась нетронутая булочка с маком.

— Будете булочку? — с намёком спросила я, вставая из-за стола.

Они переглянулись и хором отказались. Кажется, у меня получилось их смутить.

Если бы мне кто-нибудь нагадал тогда, что между мной и Костей пробежит искорка, я бы долго смеялась.

Тёплая, но абсолютно беспомощная искорка.

Тогда я уже была влюблена. И искренне считала, что буду любить одного человека вечность.

Костя же не вызывал доверия. С ним я остро ощущала свою незащищённость, уязвимость. От него исходила опасность, как от хищника.

Игра, в которую мы так и не сумели сыграть — я не сумела, — была игрой хищника и его жертвы. Я прекрасно понимала: как только жертва будет поймана, хищник растерзает её и забудет, перекинувшись на другую дичь.

Добычей становиться я не хотела, думаю, это и будило в нём интерес. Моя дикость и неподатливость — чисто инстинктивно импонировали ему.

И всё же не понимаю, что его могло зацепить во мне. Косте нравились эффектные барышни, которые следят за модой и способны увлекать мужчин. И тут я — «особенная» девушка, серое пятнышко на фоне окружающего блеска.

Зачем он взгляделся в мою серость? Может, глазам тоже иногда нужно отдыхать от сияния?

Меня всегда удивлял интерес ко мне со стороны мужчин. Это казалось мне ненормальным, я сразу начинала искать подвох. Вокруг целый цветник девушек безо всяких «особенностей» и странностей. Чего им понадобилось на территории под моим напряжением?

Иногда, когда я крутила этот феномен и так и этак, мне начинало казаться, что я просто выдумываю знаки внимания. У меня хорошая фантазия, может, я подыгрываю своему женскому эго, приписывая мужчинам то, чего у них отродясь ко мне нет? Если так, то вполне себе практично и жаль, что работает не со всеми.

С Костей было не так, как с Владом. Влада я чувствовала душой, Костю — всем телом.

Костя обладал невероятным магнетизмом, и его взгляд пробирался до самой моей женственности.

Конкурсы красоты — такое себе развлечение. Я к ним относилась скорее отрицательно. Зато Костя их обожал. Он с каким энтузиазмом туда побежал, что это было просто смешно.

В тот год в конкурсе участвовала одnogруппница. Все пошли поддержать.

Часть одnogруппников, включая меня, после «Мисс красоты» двинули в клуб. Там конкурс продолжался уже среди мальчиков. Зрелище больше забавное, чем впечатляющее.

Потом я танцевала. Танцевать, в отличие от пения, я обожаю. Я немного занималась танцами, потому даже гармонична в них.

В клубах двигаться под высокими градусами, под оглушительную музыку, в клубах дыма в унисон толпе — это кайф. Это то небольшое, что меня расслабляло.

Танцуя, я всей кожей ощутила чей-то взгляд. Подняла голову в поисках источника...

Костя стоял чуть повыше, наши взгляды встретились и...

И мне стало как-то не по себе. Я отвернулась, но расслабиться уже не могла.

Вернувшись с танцпола, обнаружила его за нашим с подружками столиком. Он с жаром говорил, перебивая музыку, не сводя с меня обжигающего взгляда. Даже не знаю, как у него получалось так смотреть.

Я всё больше начинала паниковать, ощущая себя кроликом перед удавом. Костя совершенно загипнотизировал меня. Я испугалась и себя, и его. Со мной все это было впервые.

И я сбежала.

Меня настолько сильно поразили собственные эмоции, что я, вдохновившись, даже написала зарисовку:

Мотылёк

— Расскажите мне любую вашу проблему, и я готов её выслушать, — заявляет он, перекрикивая грохот музыки и ортолпы.

Проблем у нас на троих нет ни одной. Какие могут быть проблемы в ночном клубе, когда ты пьяна и только с танцпола? Мы — само счастье!

— Я ненавижу себя, — выдавливает он, и в его голосе я слышу что-то, что меня почти трезвит, и моя задушенная алкоголем и шумом боль эхом вторит ему.

— Я ненавижу себя до само-изничтожения, — повторяет он, и у меня возникает проблема: пьяный одноклассник, который испортил мой без того редкий отдых.

Мы сидим с ним друг напротив друга. Девочки по бокам от меня.

— Я сейчас пьяный бред несу. Я знаю, но это так. Я так устроен, мне нужно страдать, иначе я буду не я. Чтобы существовали такие, как вы, нужны такие, как я, — с горечью продолжает он свой монолог.

Мне хочется уйти, но я сижу.

Он обводит глазами публику. Девочки пытаются его подбодрить. Я молчу, изображая безразличие. Откидываюсь на спинку дивана, но так сидеть мне неудобно, и я сажусь прямо.

— Мне изменила девушка, а потом бросила. Я чувствовал такую боль! Такую боль и пустоту — их ничем не заполнить! Я перепробовал всё. Ничего не помогает. Понимаете? Все люди корыстные! Им всем друг от друга что-то надо! Все продаются! — Он смотрит мне в глаза.

Это как гипноз. Во рту становится сухо.

Я не участвую в разговоре. Но разговаривая с моими подругами, он смотрит в глаза мне. Я снисходительно улыба-

юсь, хотя не удивлюсь, если со стороны моя улыбка напоминает оскал.

Слабость нельзя показывать. Можно притворяться слабой, но показывать её нельзя — этот урок я усвоила уже давно. Поэтому стараюсь смотреть на него как на занимательное насекомое. Хотя ненавижу себя за это втройне.

— Мы все дети! Только, когда мы вырастем, у нас меняются игрушки. Почему говорят, что дети не могут быть грешными? Все мы грешные! Абсолютно все! — подчеркивает он. — Все мы притворяемся! Притворяемся кем-то другим!

Не выглядят его слова как пьяный бред. Что-то в его голосе и лице пугает меня.

Внимательно вглядываюсь в него, вырисовываю каждую чёрточку, так что в памяти он теперь застынет навсегда. Глаза у него зеленовато-карие, неопределённый такой цвет. Они небольшие, но в них какая-то сила. Он совсем мальчик ещё... Не мужчина — мальчик! Но что-то уже сломано и в нём.

Нос возможно даже немного гипертрофирован в чёткий треугольник. Губы тонкие. Всё вместе образует очень интересное лицо, притягательное какое-то, запоминающееся и приятное.

Наши взгляды то встречаются, то расходятся. У меня кружится голова.

— Все люди корыстные! Всем что-то от тебя нужно! И я не исключение. Мы сейчас ни во что не верим! Такова реальность!

Моя подруга сквозь грохот музыки что-то ему возражает. Он подставляет ей ухо, наклоняется на стол, и его лицо теперь очень близко от моего лица.

Смотрит он на меня, хотя слушает её.

Мне не по себе от этого взгляда, но не хочется отводить глаза.

— Я так разочарован во всем, в жизни вообще!

Я молчу. Я знаю: чтобы я ни сказала — это не поможет ему.

Мне жаль и его и себя, хочется плакать. Но я ничего не могу поделать. Я его понимаю, я чувствую так же. Но делаю вид, что мне ужасно наскучили его рассуждения.

Кладу голову на стол и прикрываю глаза. Фоновый шум невообразимый, но я отчетливо слышу его голос, и он убаюкивает меня.

Подруга толкает меня.

— Не спи! — смеётся она.

Я поднимаю голову — она очень тяжёлая. Выдавливаю улыбку. Это как пытка.

Он всё говорит, и под всем я могла бы подписаться, но это самые мрачные мои мысли, которые я обычно подавляю. Не могу это выносить больше.

Опускаю глаза, внимательно смотрю на его руку, изучаю длинные пальцы и длинные ногти. Подавляю желание прикоснуться к этой руке, провести пальцами по линиям ладони, сказать ему, что всё хорошо. Это желание просто нестерпимо.

Он отодвигает руку от середины стола, будто пряча от меня. Я вновь поднимаю глаза и ловлю его взгляд. По телу бежит озноб.

Я бы хотела сделать его чуть счастливее. Но реальность и мою душу уже обратила в отрепье. Что я могу дать его душе?

Возможно, я могла бы уйти с ним сегодня.

Ушла бы, если бы он позвал?

Думаю, всё же нет. Между нами пропасть, которую не заполнит никакое количество алкоголя. Мотылькам не нужна прохлада и темнота ночи. Им нужно обжигающее пламя.

Но и темноте ночи не нужен мотылёк, ей нужен костёр рассвета.

Подбегает девушка и спрашивает у него сигарету.

— Я тебе дам, — обещает он. — Если ты меня поцелуешь.

Она без колебаний наклоняется и целует его.

Я старательно отвожу взгляд. Мне неловко.

Он даёт ей сигарету. Она убегает.

Чувствую волну отвращения и подступающую тошноту. Не оттого, что я ревную, а оттого, что он наглядно доказал свои слова: все люди продаются, а некоторые ещё и очень дёшево.

Я шепчу подруге на ухо, что хочу уехать. Она удивляется, с непониманием смотрит на меня.

— Сейчас?

Я осознаю, что она ещё не хочет ехать домой, и качаю головой.

— Нет, ещё посидим, — как можно непринуждённое говорю я.

Подходит его друг, и он уходит с ним в курилку.

У меня закладывает уши. Девочки зовут:

— Идем танцевать!

И я иду в темноту с ослепительными вспышками света, который высвечивает отдельные фигуры людей, но тут же погружает их во тьму.

***

Светлана отметила это как мой личный творческий прорыв и предложила публикацию. Забавно, что в тексте она увидела сцену соращения жертвы маньяком. Во мне настолько сильно засел ужас перед физическим, что страхом был пропитан весь текст.

Мне хотелось, чтобы меня опубликовали. Эта была новая ступень для меня, но мучил вопрос этики. Тогда я была очень совестливая — это тоже лечится опытом.

Костя изливал перед нами, девчонками, душу, он был такой открытый, искренний, мне не хотелось предавать его доверие. Казалось неправильным оголять перед читателями без его на то согласия.

Я долго мучилась, пока Светлана не предложила очевидный выход — спросить у самого Кости.

Я всё-таки написала ему о своей дилемме в «ВК», при-
слав текст.

Ему зарисовка польстила. Костя оказался «не против»,
а очень «за». Но, видимо, мой ужас перед ним в тот вечер
его тоже задел, потому что он извинился, ссылаясь на то,
что был пьян и смутно помнит описанный в зарисовке
момент.

Его любимой шуткой стало предлагать всем услуги
музы. Меня это забавляло, хотя я и не подавала виду.

Костя увлекался фотографией. На его фото запечатлева-
лись прекрасные девушки. Он как-то умел ловить в кадр
даже не красоту, а изюминку каждой.

Эти снимки бросались в глаза его личным стилем, ори-
гинальностью и правдивостью. Мне кажется, я бы узнала
его работы среди многих других.

Я немного завидовала тем девушкам — они были фо-
тогеничны и вдохновляли его на искусство. Я же этим та-
лантом не обладала и никогда не смогла бы его вдохно-
вить, зато могла вдохновляться.

Общим у нас было только то, что мы оба ненавидели из-
бранную профессию. Он как-то делился со мной, что хо-
тел стать режиссёром и планировал поступать в институт
культуры. Несмотря на неодобрение родителей, решился
попробовать, но перепутал время и пришёл, когда экза-
мен уже закончился. Подумав, что не судьба, пошёл в по-
литологи.

— Да и потом, — говорил он, — судьба у меня неподхо-
дящая. Счастливое детство, меня никто не бил, никаких
травм нет, а для творческого человека это провал.

— Найди себе женщин, которые будут тебя мучить, бу-
дешь как Ремарк, — предложила я.

На что он рассмеялся. И сверкнул глазами в мою сторо-
ну так, что я смутилась.

А ведь из него действительно вышел бы прекрасный
режиссёр, в нём присутствовало яркое творческое начало.

Как-то мы говорили с Катей о Косте.

Она сказала:

— Знаешь, вы будто с разных берегов. Очень разные, но отчего-то мне кажется, у вас могло бы получиться что-то невероятное.

— Что-нибудь на пару недель, — усмехнулась я.

— Может, и да, но почему не попробовать, Ася?

Костя завёл себе страничку, на ней все могли анонимно спрашивать его про что угодно, а он на всё обещал давать честные ответы.

Как-то я заглянула туда. Вопросы ему задавали откровенно скучные и глупые, из ряда: «Ты любишь Вику?» Он отвечал типа: «А кто это такая?»

Или: «У тебя есть девушка?» Ответ: «Я — одинокий волк».

Я решила поиграться, меня привлекла безнаказанность. Я набросала пару вопросов, а потом предъявила ему претензию за неправильные ответы.

Я ошиблась — он догадался. Он всячески мне показывал, что всё понял.

Потом я делилась с Катей неловкостью момента.

— Каким образом он мог догадаться? Может, у меня просто паранойя? — допрашивала я её.

— Ась, ну, естественно, он догадался! — вздохнула она, со смехом читая мои вопросы и его ответы.

— Но как?!

— Потому что такое могла спросить только ты.

— Ничего подобного!

— Только ты так разговариваешь. И такой вопрос... Э-э... Странный.

— Мы с ним не общаемся толком, он не знает, как я разговариваю! — возмутилась я. — И чем тебе вопрос не нравится?

— Видимо, знает. Спросить такое никому в голову не придет, кроме ТЕБЯ.

Все-таки из-за этих вопросов у нас случилась переписка о бессмертии в «ВК».

Разговор получился интересным. Костю словно прорвало. Он строчил и строчил, да и я увлеклась.

Аргументы за, аргументы против.

Я убеждала, что бессмертие ведёт к одиночеству. Он — что бессмертие можно с кем-нибудь разделить.

Тогда я предложила ему представить вечность «с кем-нибудь»...

Аудитория с исписанными стенами. Перерыв между парами. Я болтала с девочкой. Зашли Костя с Севой. Я умолкла.

Костя спросил нас, глядя только на меня: «О чем вы говорили?»

Подружка ответила. Я уткнулась в книгу, чувствуя на себе внимательный взгляд и его, и Севы. Чего им от меня надо?

Костя подошёл к парте.

— И что ты думаешь?

Я молчу, сердце заходится, я не поднимаю глаз. Он наклоняется ко мне и тихо просит:

— Пожалуйста, скажи мне. — Спрашивает он так, словно для него это действительно важно.

Я бы и рада ответить, но слова опять застряли во мне. Да и нечего мне ему сообщить — мы говорили о пустяках. А он так спрашивает, будто ждет инструкцию, где и как найти клад.

Зная склонность их с Севой давать всему негативные оценки, я явственно представляла, как они взвешивают сказанную мной глупость на весах и глумятся над её легковесностью.

В тот момент я себя ненавидела. Боялась, что они поймут, что я запуганная, маленькая и жалкая.

Я видела, как Костя искал подход ко мне, но никак не мог его найти.

Хотя я не всегда вела себя так отвратительно. У нас случилась и пара разговоров. Но только когда он подходил потихоньку, чтобы никого вокруг не было, так, чтобы я, как дикая зверюга, попривыкла к нему.

Как-то нам пришлось вдвоём ждать преподавателя, чтобы сдать долги. Мы, повторяя билеты, сидели в разных концах коридора. Костя постепенно смещался всё ближе ко мне, пока я не обнаружила его возле себя.

Было заметно, что ему сложно заговорить, что он всё-таки проникся моими сложностями и уже не знает, как ко мне подобраться.

Тронутая этой нерешительностью, я, преодолевая себя, первая начала разговор.

Он так доверительно, словно с близким другом, стал делиться со мной своими планами и взглядами на жизнь. Говорил складно, хотя и в определённой манере, немного рисуясь: вставляя новомодное словечко «камон», трогая кончик носа и то и дело откидывая назад челку.

Костя считал, что после смерти ничего нет. Однажды ему пришлось очутиться на грани жизни и смерти. Перепил и пытался покончить с собой. И по ту сторону, кроме пустоты, Костя ничего не нашёл. Поэтому теперь он ценил каждый прожитый день, каждую травинку.

Мне стало грустно и страшно за него. Но я не стала комментировать его поступок — он и без меня всё понимал.

— Я отучусь и уеду отсюда, — сообщает он.

— Думаю, — говорю я, преодолевая желание сбежать, — везде есть свои проблемы.

— Камон, ну, там лучше, чем у нас! Представь, я иду недавно по Ленинскому. А ко мне докопались, что я как-то не так выгляжу! И избили! — жалуется он, но потом, будто опомнившись, добавляет: — Я им, конечно, тоже вдал, но

их было много, а я один.

— Допустим, ты уедешь, у тебя родятся там дети...

— У меня не будет детей, — категорично заявляет он.

— А-а-а, ну тогда ясно, — невольно улыбаюсь я.

— Камон, ну. — Видно, почувствовав, что его слова прозвучали, как подростковый максимализм, он смущённо продолжил: — А у нас люди — быдло. Я живу на квартире, там на площадке общий душ, я вчера захожу, а там кто-то насрал!

Мне становится смешно, он тоже улыбается.

— Ну, у нас есть и хорошие люди, например, те, кто это всё убрал, — замечаю я.

— Ага, это был я, — мрачно сообщает он, и вид у него при этом такой возмущённый и обиженный, что мне становится ещё смешнее. И мы оба сидим и смеёмся над тем, что кто-то срёт в душе, а кто-то убирает за ними.

— У нас в стране можно всю жизнь что-то наживать и вмиг потерять. Например, у меня отец работал директором завода в деревне, а потом завод закрыли, и работы нет.

— Я думаю, что во всех странах существуют те же проблемы. Они не исчезнут с переездом. Хотя, конечно, если тебе хочется, то попробуй, посмотри, может, там тебе будет лучше, — говорю я.

— Тут нет перспектив, если раньше, в советское время, мы действительно предлагали какую-то альтернативу Западу, строили личность другого типа с другими ценностными ориентирами, то теперь мы просто отстающая западная страна. Мы здесь никому не нужны.

Мы учимся на одно и то же, и оба знаем, что он прав, мне нечего на это возразить.

Он встал с лавочки и сел на корточки напротив меня, прижавшись спиной к стене. Получилось, что он смотрит на меня снизу вверх.

Взгляд застыл на моих голых ногах, едва прикрытых коротким платьем. Коснулся моей кожи, обжѐг, будто прикосновением тёплых рук, очень медленно поднялся выше и встретился с моими глазами.

Я нервно сглотнула. Костя судорожно вздохнул.

К нам подошли одноклассницы, спросили о наших успехах. Костя нехотя поднялся. Речь его сразу поменялась, и сам он стал другим.

Эта резкая метаморфоза была мне неприятна. Не хотела бы, чтобы когда-нибудь он говорил со мной в такой манере.

И как хорошо, что наконец-то, с опозданием в несколько часов, пришла преподавательница.

Костя замялся у дверей, боясь зайти в кабинет. Меня удивила его нерешительность, она не вписывалась в моё представление о нём.

Я постучала сама, спросила, можно ли сдать долги.

Преподавательница велела мне проходить. Мне неловко было идти вперѐд Кости, но он, поняв мою нерешительность, ободряюще кивнул.

Я зашла.

— Консультация заканчивается через пятнадцать минут. Успевайте, — кинула преподавательница.

— А там ещё мальчик.

— Вы за себя волнуйтесь, а не за мальчиков, — протягивая мне билеты, отрезала она.

Стало неловко — дело же было не в мальчике, а в том, что это несправедливо. У Кости больше долгов.

Я быстро глянула на вопросы.

— Я готова отвечать.

— Уже? Времени на подготовку вам не нужно?

— Нет.

— Ну что ж, давайте.

Я как можно быстрее и короче ответила.

— Молодец, всё отлично знаете, — удивилась она, расписываясь в зачётке.

— Костю можно позвать? — спросила я.

— Ну, позовите, может, и успеет, — с улыбкой глядя на меня, позволила преподавательница.

Кости возле кабинета не было.

— А где Костя? — спросила я у девочек.

— Да отошёл, пока ты отвечала.

— А куда?

— Не знаем, нам не докладывал. А что, ты уже сдала? Или на пересдачу?

— Сдала.

Надо было уходить, но я упрямо стояла и ждала, отстранённо болтая с девчонками.

Костя появился минут через пять, по всей видимости, бегал курить.

— Костя, иди быстрее. Она сказала, что консультация заканчивается в три.

— Как в три? Время уже без пяти. Блин, я опять пролетел! Девчонки засмеялись.

— Ты попробуй. Она сказала, что даст тебе сдать, — с нажимом потребовала я.

— Ну ладно, я тогда пойду.

— Иди, — уже на ходу бросила я.

Я злилась на себя, что так беспокоилась за него и это все увидели. Он увидел.

В университете я выводила себя из зоны комфорта: читала свои стихи на сцене, участвовала в научных конференциях, выступая публично.

Одной из таких авантюр было решение пойти в клуб парламентских дебатов.

В клуб уже несколько лет ходили Костя с Севой. Когда я пришла на второе занятие, девушка Алина, что вела наш клуб, спросила меня:

— А ты раньше к нам не ходила? Кажется, я тебя где-то видела?

Вопрос был странным, учитывая, что из-за моей «особенности» меня сложно с кем-то спутать.

Не успела я и рта открыть, как к нам подскочили Костя с Севой.

— Ну-ка, ну-ка?! Где? Когда ты её видела? — с каким-то ненормальным любопытством накинулись они на Алину.

Мне сделалось не по себе.

— Я не ходила прежде, — тихо сказала я и отошла от них подальше, чувствуя, как внутри всё опять дрожит от чьей-то пристальной лупы, направленной, чтобы разглядеть меня и признать негодной. В клубе дебатов я не держалась, но он стал ещё одним поводом написать рассказ про Костю.

Дебаты, или Скажи: «Да»

Как же я не люблю холод. Бегу к кафе, в ушах громко скрипят собственные шаги. Лицо прикрываю варежкой. Переживаю о том, что денег взяла мало, думала, встретимся в обычной университетской столовой, но Алине нужен интернет, и вот я уже открываю двери в «Лакомку».

Растерянно оглядываюсь. Меня приветствует маленький официант-азиат.

Вижу Алину, она машет мне рукой.

— Привет, — говорю я, стягивая с себя тысячу и одну одежду.

— Привет. Ты извини, я проголодалась, сейчас поем и начнём, — отвечает она.

Я сажусь напротив неё в фиолетовое кресло. Вообще, я бы не выбрала этот столик: здесь нет окна и все шастают мимо нас.

Кофе пахнет божественно, но я не решаюсь ничего заказать.

Чувствую волнение. Сегодня моя первая игра в клубе парламентских дебатов. Играем американский формат дебатов — два на два. Команда правительства и команда оппозиции. Мы с Алиной представляем мнение оппозиции. Я, как назло, выступаю последняя. Мне нужно будет проговорить восемь минут.

Алина — один из руководителей клуба, как и Кирилл. И вот они с Кириллом решили размять «старые опытные» косточки, взяли по одному новичку и хотят устроить внеочередной бой.

— Вы, наверное, с Кириллом уже сто раз играли и знаете все аргументы друг друга? — улыбаюсь я, чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание.

— Да, это точно, — кивает Алина. — Я вчера была на их подготовке. Кирилл не меняется — стандартный кейс. Я хочу его разбить.

Я начинаю рассказывать придуманные мной аргументы. Алина вроде и внимательно слушает, а вроде и рассеянно. У меня возникает чувство, что я говорю ерунду.

— Сейчас я доем и расскажу всё, — кивает Алина, помечая что-то в своем блокноте.

— Конечно, — говорю я, ругая себя за тупость.

Казалось бы, что проще — дать человеку спокойно поесть? Но мне и это не удаётся.

— К нам сейчас мальчики ещё подойдут. Ты не против? Помогут готовиться, — мимоходом роняет Алина.

От этих слов мне хочется встать и уехать домой. Я сразу понимаю, что речь идёт о моих одноклассниках. Именно тех, с которыми я не хочу иметь ничего общего. Они уже давно в клубе и опытные игроки, но ещё они меня пугают, заставляют постоянно себя чувствовать не в своей тарелке.

Но самое страшное для меня, что последнее время я ощущаю на физическом уровне интерес к одному из них. Я очень боюсь, что это перерастёт во что-то большее и я влюблюсь в человека, который наверняка сделает мне больно.

— Конечно нет, не против, — выдавливаю я улыбку, понимая, что при них не смогу нормально подготовиться.

Двери открываются, и к нам подходят три парня. От них веет морозом и куревом. Сразу начинается суета. Решают, куда пересесть, чтобы всем поместиться. Мне неудобно, что они толкнутся вот так, нависая над столом, у меня чувство, что я очень маленькая, что они просто затопчут меня. Наконец решают всё-таки остаться на месте. По бокам от Алины садятся Сева и Ф. Слева от меня Гена.

— Чё у вас тут? — спрашивает Сева, очень высокий, худой и слишком, по мне, ухоженный для парня.

Черты его лица правильные. Тёмные волосы и светлые глаза — красивый контраст. Я могла бы назвать его привлекательным, но для меня он неприятно смазливый, черты лица слишком подвижны, мимика неприятная. Движения резкие и нервные. Он обожает быть в центре внимания, поэтому ему важно задать вопрос, но слушать ответ для него уже слишком обременительно. Поэтому он тут же начинает параллельный разговор с Геней. И Алину слушаем только я и Ф.

— Слышал про этих... Я уж насколько извращенец, но это вообще капец... Она и говорит, давай, типа, пиися в писю... — доносятся до меня обрывки рассказа Севы.

— Это вы про кого? — уточняет Ф., наклоняясь к Севе через Алину, и ему называют чью-то фамилию. — Всё, они теперь тоже в моём списке людей, которых я казню, когда приду к власти! — с отвращением говорит он, и разговор обрывает мерзкие пошлые формы.

Это даже хуже, чем я ожидала.

Чтобы хоть как-то защититься, я беру в руки телефон и, как назло, понимаю, что зарядка кончается. Но пока что я могу спрятаться за него, чтобы не слышать, что они говорят.

Однако обрывки фраз упрямо цепляются, липнут ко мне и неизбежно рванят, пачкают.

Я тут явно лишняя. Ощущаю это каждой клеточкой своего тела. В такие моменты мне хочется исчезнуть... Не быть. Иногда я бываю самым настоящим социопатом.

— А вообще проститутки следят за собой. Они более чистые, чем если снять телку в баре, — говорит Ф.

Его красивым я бы не назвала, но он очень харизматичный и притягательный.

Вспомнилась его прошлая игра. Он стоит на кафедре и улыбается. И я тоже невольно улыбаюсь под дружный смех присутствующих.

— Это провал, — его друг машет на него руками. — Ты всё просрал!

— Кто вчера бухал? — сквозь смех спрашивает Кирилл.

Ф. смеётся, опускает голову и через паузу в который раз повторяет:

— Мы никого не принуждаем работать. Купите патент, заплатите налог и не работайте дальше.

Очередной взрыв хохота, и стук по партам — парламентские аплодисменты.

Я пытаюсь сдержаться, но не получается, и мне становится стыдно за себя.

— Ну, в общем, я думал, что готов, а оказалось, что не готов, — говорит Ф. напоследок.

Он поднимает на меня глаза, и, встречаясь с ним взглядом, я почему-то чувствую себя виноватой. Он садится сбоку от меня, и я опять кожей ощущаю его энергию. Что-то со мной явно не так, какая-то паранойя. Гвозди в крышки гроба — я чувствую, как он их забивает...

Так хочется попросить его не делать этого. Но я и слова сказать не могу.

— Кто хочет играть на следующей игре? — спрашивает Кирилл.

Я поднимаю руку. Не понимаю зачем. Может, чтобы наказать себя...

— Да-да, это я ему сказал! — ржёт Сева. — А мне мама сказала.

— Ребята, ну помогите мне, — умоляюще протягивает Алина. Она очень хочет победить.

— Ну, ты просто согласишься с тем, что Кирилл говорит, как я всегда делаю. Но скажи, что это ни фигя не поможет, — вздыхает Ф.

— Это как ты на прошлой игре сделал? — с насмешкой спрашивает Алина.

Все ржут.

— Нет, не как на прошлой. Как на позапрошлой и как обычно делаю, — смеётся Ф.

— У тебя есть какие-то мысли? — спрашивает Алина меня.

Я вспоминаю свои аргументы и понимаю, что у меня язык не повернётся сейчас их назвать, и качаю головой.

— Тогда записывай!

Я рада даже, что нужно записывать. Так хоть что-то делаю и не приходится смотреть на парней. И то, что я краснею, не будет так заметно.

— Солдатам шлюх приводят, — говорит Гена.

— Да ну, откуда ты это взял? — вздыхает Алина.

— Да я постоянно слышу истории из ряда: сидим, и тут нам шлюх приводят. Типа, кто хочет... — с энтузиазмом подхватывает Сева.

Мне так хочется просто встать и уйти. Я смотрю на Ф., а ведь ещё недавно мне казалось, что я начинаю влюбляться в него. Все эти переглядывания последние недели. И как мне взбрело такое в голову?!

Они с Алиной переговариваются по теме дебатов.

— А ты прикинь, я про такую фигню слышал, что менты часто по кругу шлюх пускают, — вполголоса говорит Гена Севе.

Сева смеётся.

— Расскажи, расскажи, Ф., про это! — требует он.

Гена демонстративно косится на меня. Как будто у ме-

ня в первый раз был шанс не услышать эту мерзость, когда он сидит совсем рядом.

— Блин, ну не могу так, ну, короч... — И он снова повторяет историю уже громче для всех. Под дебильные комментарии Севы.

— А я слышал об этом, — пожимает плечами Ф., и все дружно ржут.

Как же мне хочется быть сейчас в кругу друзей, так мне тут плохо. Если я тут чувствую себя незащищённой и уязвимой, то что будет на дебатах?

Сегодня мне Ф. совсем не нравится. Его взгляд, его голос и смех совсем меня не волнуют, мне просто противно до тошноты. Как я рада, что не успела придумать себе ничего на его счёт.

Не знаю, куда девать свои ноги, чтобы не дай бог не наткнуться на его.

Мы сидим с ним напротив друг друга. Именно поэтому он смотрит на меня.

— Эх, жаль я не пойду на игру, — говорит Ф.

— Почему? — удивляется Алина.

— Да он с девкой из Владивостока по скайпу собрался общаться, она к нему приехать уже обещает, — говорит Сева.

— А что, в другое время нельзя? — спрашивает Алина.

— Я с ней уже договорился, — качает головой Ф. — По времени Владивостока.

Я внутренне радуюсь, что его не будет, легче будет говорить. Хотя я измотана уже этой подготовкой, а точнее, выслушиванием гадостей о чужих половых актах. Я же не могу влиться в обсуждение. Во-первых, я просто не представляю, как повернуть разговор в нормальное русло. Во-вторых, это не мои друзья, это те, кто меня оценивает, взвешивает и не понимает, а за моей спиной будут язвить так, как язвят над всеми, кто попадет им на язык.

Поэтому молчу и пишу то, что говорит Алина. Понимаю, что её доводы остаются её доводами и совсем не чувствую-

ются мной. И не вспыхивает во мне, как порой бывает, эта сила, которая часто меня вытаскивает из таких вот ситуаций.

— Мы пойдём покурим, а ты пиши, — говорит Алина, и они выходят из кафе.

Я чувствую, что могу хоть чуть-чуть расслабиться. И зачем мне эти дебаты?

«Чтобы научиться чётко выражать свое мнение», — убеждаю я себя.

Они возвращаются с мороза, в нос сразу бьёт резкий запах табака. Горький, удушающий.

Теперь писать тяжело. Чувствую опять этот тяжёлый взгляд. Поднимаю глаза, встречаюсь взглядом с Ф.

И не чувствую ничего, кроме того, что хочу домой.

— Там презервативы на каждом шагу в автоматах, — продолжает Сева разговор, — как в Чиги.

— А почему в Чиги только в мужских туалетах презервативы, а в женских нет? — спрашивает Алина.

— Ну, ты догадайся, где обычно этим занимаются. В мужских удобнее, — чуть не хором начинают они рассуждать.

Я об этом ничего знать не хочу! Неужели взаправду кто-то может в туалете в клубе таким заниматься?! Это просто, по мне, так полный крах личности!

Я усиленно стараюсь не краснеть. Господи, я ещё ребёнок! Не надо мне эти подробности знать! У меня ничего такого ещё не было и, судя по тому, что я наслушалась, теперь и не будет...

Наконец мы идём в университет. Воздух обжигает ледяной. Не успела выйти на улицу, как холод уже вонзил в мои ноги свои колючки.

Я иду особняком от их компании.

Слышу, за спиной что-то происходит.

Оказывается, Сева встретил свою девушку.

Уже на входе в университет Сева нас догоняет с заявлением:

— Блин, оттого, что у нее подруга такая модель, мне теперь её ещё больше трахнуть охота!

Меня коробит от этих слов.

В университет мы заходим уже вчетвером. Ф. побежал на свидание по скайпу.

Заходим в аудиторию. Чисто. Мебель новая. Парты стоят в два ряда по четыре парты. С кафедрой и учительским столом образуют букву П.

Воздух затхлый и, несмотря на то что все намерзлись, открываем окно — проветрить.

Народу пришло почти нисколько. В такой холод все нормальные дома сидят.

Кирилл, интересный, чуть полноватый, организатор клуба, и первокурсница Вера, с короткой шапкой кудрявого белого каре и ярким макияжем, — наши соперники на сегодня.

Вдруг заходит Ф.

— А ты чего пришёл? — удивляется Алина.

— Я очень хочу посмотреть, — говорит он. — Всё отменил.

Мне хочется заскрипеть зубами: ну почему они все не исчезнут?! Чтобы я спокойно всё сказала...

Пока ждём народ, идут обсуждения. Кто где бухает, где какой кальян можно покурить. Кирилл рассказывает, как он поспорил с теми, кто хотел за ЛДПР голосовать, и, видя их твердолобость, убедил вообще на выборы не ходить. Много чего-то про политику...

Я понимаю свою отчуждённость от всего, что они говорят. Я чужая.

Алина увидела в телефоне у Севы напротив имени его подружки сердечко и сказала об этом Гене, который тотчас рассказал всем. Все начали смеяться. Сева смутился, психанул и вышел.

— Он уже несколько раз такое проделывал. Один раз в кафе мы так же чёт пошутили над ним. Все засмеялись,

а Сева встал, сказал всем «пока» и поехал домой, — сквозь смех прокомментировал Ф.

Впервые за вечер мне действительно смешно.

Сева всё-таки возвращается. Ф. показывает ему руками сердечко.

Наконец игра началась.

Конечно, Алина и Кирилл на высоте — быстро, чётко, уверенно отчеканили свои речи.

Вера тоже большая молодец, очень хорошо выступила, не хуже Алины с Кириллом.

Настала моя очередь.

Речь изначально не пошла. В голове какой-то вакуум. И сердце стучит глухо в ушах. В памяти всплывают разговоры про шлюх и презервативы, и мне так стыдно и хочется бежать, бежать... Это внимание, прикованное к моей персоне, совсем меня не воодушевляет. Взгляды оценивающие.

Как же я не люблю, когда меня оценивают!

Вижу, что Кирилл тянет руку. И растерянно смотрю на него: почему он вопрос не задаёт? И наконец до меня доходит, что я должна ему дать разрешение.

— Да, конечно, — будто со стороны слышу свой голос.

Он поднимается и задаёт вопрос.

Я пытаюсь ответить и понимаю, что ответ не удался. Ещё глубже закапываюсь в той ерунде, которую должна сказать и которую не понимаю.

Ещё вопрос, ещё ответ — неточный, неверный.

Прямо оцуцаю это насмешливое негодование, которое идёт из аудитории. Совсем теряюсь.

А Кирилл — безумно довольный, как кот, которому мышка сама идёт в рот. Он третий раз тянет руку.

Алина кричит:

— Не отвечай!

Мне смешно, но я слушаюсь, хотя тут же понимаю, что и сказать мне нечего — в голове пустота.

Молчание затягивается. И я осознаю, что стою перед всеми зажмурившись, и резко открываю глаза. Кирилл снова тянет руку.

— Пока вы молчите, может, всё-таки ответите на мой вопрос?

И я соглашаюсь. А что делать? Молчать ещё хуже.

Но, к моему ужасу, я не могу понять его вопроса, смысл ускользает от меня.

Переспрашиваю. Но легче не становится.

Я кожей ощущаю этот взгляд, последнее время я его часто чувствую на себе, но сейчас он просто обжигает меня. Я понимаю, что не надо смотреть, но это же я! И я поднимаю глаза.

Ф. напряжён, даже нагнулся немного вперёд, смотрит на меня почти с мольбой.

Я быстро отвожу взгляд.

— Да! — слышу я его шёпот. — Да! Скажи: «Да»!

Я молчу, смотрю, как он передвинулся к Севе и вслух ему на всю аудиторию заявляет:

— Я бы сказал: «Да»!

«Пытается мне помочь, а делает только хуже», — мелькает у меня в голове.

Так и хочется сказать: «Это мой провал. Хочу и проваливаюсь! Оставь меня в покое! Какое тебе дело?»

Чувствую себя загнанным зверьком, который уже ничего не соображает. Я, понимая, как нелепо сейчас оно звучит, говорю:

— Да.

Представляю, какой у меня жалкий вид, и мне невольно становится забавно.

И вместе с тем внутри разливается тепло: кто-то в этом зале переживает за меня и пытается помочь. Переживает и нервничает... Может, конечно, за игру в целом. Но, возможно, и за меня.

Собираю остатки разума и решаю говорить всё-таки

то, что хотела сказать с самого начала, до подготовки с Алиной.

Чувствую, что речь выравнивается.

Но у меня осталась всего одна минута, и я не успеваю нормально объяснить то, что хотела. Мой аргумент повисает в воздухе. Ни к селу ни к городу.

Но в аудитории становится тихо, и на лицах появляется растерянность.

— Спасибо за внимание, — говорю я. И сажусь на место. Да, я зла на себя, просто до самозабвенной ненависти. А ещё я чертовски горжусь своей пусть и невидимой никому победой над собой — я не убежала.

В финале мы должны пожать друг другу руки — это ритуал — и удалиться в коридор для того, чтобы парламент определил победителя. Кирилл, очень довольный, подходит ко мне и протягивает руку. Я растерянна, на автомате подпадаю свою. Он с энтузиазмом пожимает её.

Когда мы возвращаемся в аудиторию, чтобы выслушать решение парламента, я ощущаю новую волну паники. Мне кажется, я подвела Алину. Мне кажется, что на меня сейчас обрушится сокрушительная критика и насмешки. Мне кажется, что очевидный проигрыш нашей команды — это моя вина. Я уже готова схватить свои вещи и убежать...

И когда звучит слово «ничья», я чувствую растерянность. Я не проиграла. Но и не победила.

Между тем Алина говорит:

— Давайте выберем тему следующих дебатов.

— Давайте Ленина похороним, — предлагает Ф., все смеются, но Алина ради прикола записывает эту тему. Все глосуют, и Ленин под всеобщий ржач побеждает.

— Ну, ребята, вы чего? — смеётся Алина. — Мне это даже выложить в группе будет стрёмно.

— Пора что-то поменять в этой стране, — улыбается Ф., вызываясь играть вместе с Севой.

Я смотрю на них и понимаю: трудно найти своё место.

Трудно найти людей, в ответ на улыбки которых ты можешь ответить улыбкой. Трудно стать частью чего-то...

Но когда ты становишься частью, ты в этот миг можешь назвать себя счастливым.

Я смотрю на Ф., и мне очень хочется поблагодарить его за помощь. Но я ничего ему не говорю, решение принято. Оно крутится у меня в голове. Вот сейчас я скажу всем: «Пока!», и пойду дальше искать своё место в этом мире.

Но вместо этого я присоединяюсь к общему смеху.

И сразу же чувствую, как спало напряжение. Мне становится легче.

Игра не окончена! Я ещё возьму реванш! Я не трусиха какая-то, чтобы взять и уйти сейчас. В следующий раз я никому не позволю диктовать мне, что говорить.

Подхожу к Ф. и шепчу:

— Спасибо.

— Да не за что. Ты молодец, — улыбается он.

Я улыбаюсь в ответ...

***

Костя решил поучаствовать в «Мистере и мисс медиа».

Меня это забавляло, я вообще конкурсы всякого такого рода считаю абсурдом. Но решила сходить.

Костя был на высоте — играл на гитаре сочинённую им музыку. Острил, но юмор оказался слишком чёрным и не позволил ему выиграть, хотя весь зал был за него.

По дороге на остановку ко мне присоединилась знакомая. Мы обсуждали конкурс.

— А ты за кого болела? — спросила она.

— За одноклассника, Костю.

— Ой, я тоже была за него! Он такой харизматичный, так жаль, что не выиграл! Мне кажется, он должен был победить.

— Да, жаль.

— А у него девушка есть?
— Мы с ним не общаемся. Не знаю.
— Жа-а-ль. Он с виду такой интересный.
— Он интересный, — повторяю я конец фразы и вспоминаю, что, когда человек повторяет конец чьей-то фразы, это совсем не льстит его интеллекту.

Мысленно ругаю себя, что зря пришла. Ведь ему и без меня хватало поддержки, он меня даже не заметил.

Костю всегда окружали девушки, я не ревновала. Понимала, что для него это норма. И логично, если какая-то ему нравится, а в какую-то он влюблён, а с другой он не прочь переспать.

Где-то в хвосте этого списка, возможно, есть место и для меня. Но я не хотела стоять в толпе девушек, которые безликими куклами смеются его шуткам.

Искорка потухла. Вернулся Влад. И я вся ушла в свои страдания, даже не замечая происходящего вокруг.

Мы почти не виделись с Костей в конце четвёртого курса. Он мог бы остаться светом, при воспоминании о котором я улыбаюсь. Мог бы. Но отправился в чёрный ящик.

Как-то нелепо получилось, а все равно больно.

На паре новый преподаватель отпустил шутку в мою сторону: «Что с голосом, пива, что ли, вчера много выпила?»

В аудитории было тихо, никто не засмеялся, кроме самого преподавателя. Меня будто током ударило.

Знаю, что в такой вот момент нужно собраться и постоять за себя... Но я растерялась. Я совсем расслабилась за почти беспроблемные годы и не ожидала нападения.

После пары ребята наперебой стали обсуждать, что препод — придурок.

Обсуждали они безотносительно моей ситуации, но было видно, что все возмущены именно из-за меня. Это было трогательно, значит, я оставила след в их душах. А может, всё гораздо проще — это человечность.

Кости на паре не было, зато Сева был. Я спускалась по лестнице и кожей почувствовала взгляд Кости.

Они сидели с Севой и, наклонившись вперед, смотрели, как я спускаюсь. Костя вроде подался встать и хотел что-то сказать мне.

Я отвернулась. Это выражение его лица я не спутаю ни с каким другим — жалость.

Мне кажется, он всё про меня понял. А ведь я так этого боялась, боялась, что он поймёт, какая я на самом деле.

Господи, мне хотелось тогда просто убить Костю за этот взгляд.

Я подавила жалость к себе. Он просто отправился в чёрный ящик. С тех пор я его ещё пару раз видела мимоходом, и он взял академ.

Я стою у витрины. Он поднимает взгляд. Я вздрагиваю от неожиданности, встречаясь с ним глазами, а в них — небо.

А что бы я ему сейчас сказала?

Последние слова в пустоту

Я вернулась домой. Было грустно. Я села за ноутбук и стала делать то, что я всегда делаю, когда мне грустно. Я села писать.

Здравствуй, Костя.

Прошло уже достаточно много времени, чтобы разорвать ту хрупкую связь едва знакомых людей, что возникает по работе или учебе. Время ушло.

Но чувство недосказанности порой остаётся между людьми. Мне же трудно стерпеть это ощущение невысказанных, рвущихся слов. Если они остаются внутри меня, они умирают, а их останки токсичны. Они отравляют меня. И по возможности я стараюсь отдать слова тем, кому они принадлежат. Может, это и эгоистично.

Тебе принадлежит много тёплых слов, Костя. Ты совершенно неосознанно и, наверное, к своему удивлению, сильно поддержал меня и вдохновил в очень тяжёлый для меня момент жизни. Твоё внимание, твой интерес, твоя энергия вернули мне веру в себя.

А твой образ — противоречивый, яркий — вдохновил меня. И я, вдохновленная им, смогла посмотреть на многое иначе. На себя посмотреть иначе.

И поэтому мне хочется написать тебе. Я всё думаю, а вдруг так случилось, что ты сейчас в отчаянии, что ты нуждаешься в поддержке и добром участии. Почему-то мне кажется, что нуждаешься, хотя, может, мне просто хочется, чтобы так было.

А если и это тебе нужно, то это должны быть слова того, кто дорог и важен, — не мои слова.

Но я всё же, преодолевая сопротивление, скажу тебе...

...Не напивайся и бросай курить.

Шучу, конечно, мораль тебе прочтут и без меня, ты же её не поймешь, пока она не срастётся с тобой через горький опыт.

Костя, не растеряй себя, пожалуйста. Среди всей этой мишуры, в которой ты крутишься. Не растеряй в себе то настоящее, то, что я заметила в тебе почти случайно. Может, я и придумала тебя, всего тебя, таким, какой ты мне нужен, но твоя основа — она была твоей. Ты, главное, сохрани в себе эту основу. Не знаю, трудно выразить её в каком-либо эквиваленте, может, это твоя болезненная доброта, которую ты старательно от всех прячешь, может, восприятие мира где-то даже совсем мальчишеское... И всё же все это мимо — не могу тебя выразить словами...

Я иногда захожу к тебе на страницу и смотрю фотографии. Много в них пафосного и напускного, совершенно незрелого. Но и в них ты оставляешь место настоящему, что и приковывает мой взгляд. Я пытаюсь отделить напускное от настоящего. И понимаю, что ты целостен в этом, и разграничить одно от другого невозможно — сразу теряется ощущения тебя.

Ты с твоими возможностями, с тем умом и талантом. С чувством юмора и самоиронией. Ты влюбчивый, поклоняющийся красоте и моде. Ты, что даже курит нарочито красиво. Ты ещё не нашёл себя, не обрёл. Ты так и рискуешь себя потерять. Но, если ты признаешь себя, мне кажется, ты, словно пассионарий, способен свернуть все дороги в нужном тебе направлении.

Ты и твоё будущее. Я хорошо тебя представляю фотографирующего самых красивых женщин мира, снимающего лучшие фильмы, играющего неоднозначные роли в кино. Этаких антагонистов — подлецов с доброй душой. Я представляю тебя во всем этом блеске признанным талантом. Признанным и очень несчастным, пресытившимся всем этим, понимающим цену всему этому, одиноким, хотя и окруженным людьми.

Сохранишь ли ты себя в случае удачи? Сохранишь ли в случае неудач?

Мне неизвестно. Я, как девушка, и, думаю, не я одна, очень хочу спасти тебя от тебя. Этим ты и влечёшь. Тебя хочет-

ся спасти. Ты летишь в пропасть. А каждая женщина хочет увидеть себя особенной, той, что может тебя удерживать от падения.

Но спасти себя можешь только ты. Избито, но факт.

А спасение, боюсь, тебе ни к чему — тебя так влечёт пропасть, тебе так хочется в омут.

Омут, достаточно тёмный и глубокий, в котором ты смог бы наконец-то утопить свою особенность, что скорее тяготит тебя, чем радует.

Я даже думаю, ты непременно утонешь. Но я хочу, чтобы, когда это всё-таки случится, ты сумел бы выплыть. Выплыть собой.

Потому что ты важен. И как бы ни сложилась твоя жизнь, она важна.

Не знаю, поймёшь ли ты то, о чём я тебе написала. Или подумаешь, что это полная чушь. Чушь, что абсолютно идёт мимо тебя. Да, пожалуй, чушь. Мой взгляд в ретроспективе на твой образ, тот, которым ты мог бы быть в моей голове. Жаль, мне не узнать, каков ты за её пределами. Жаль.

Забавно, как-то подруга заметила, что я вижу в людях то, что они хотят, чтобы в них видели, и этим льщу им неизменно. Я вижу в тебе желания осчастливить всех. Ещё вижу озорство, доброту и беззащитность, вижу твою боль по поводу того, чем стала твоя родина, вижу желание показать себя миру — неумное неукротимое желание и талант.

Ты как-то мне сказал, что я просто проецирую себя на тебя. Тогда это меня ужасно поразило, хотя я и не подала виду. Знаешь, мне однажды точно то же в тех же словах сказал другой человек — очень значимый для меня человек.

Так и разошлись наши дороги, так и не соприкоснувшись. Но так уж сложилось. Так мы это все сложили.

Вот и всё. В тебя кто-то верит и вспоминает с теплом, на чьей-то жизни ты оставил тёплый отпечаток. Может, тебя это знание согреет и ободрит в трудную минуту. А в лёгкую — добавит лёгкости.

Ася.

Я написала письмо в ворде. Написала Косте все это, зашла на его страничку. Посмотрела на фотографии. На его фотографии, на фотографии девушек, что он фотографирует. Подумала, насколько его мир для меня непонятен, далек. И, вздохнув, кинула письмо в корзину.

Один раз я уже писала письмо. Письмо Владу. Отсылала его. С замиранием сердца ждала ответа. Ещё более глупое и наивное. Ещё более надуманное и смешное... К чему меня это привело?

У меня слабость именно к письмам. Именно письма, а не пресловутые сообщения. Когда читала переписку Б. Пастернака с М. Цветаевой, мне становилось грустно, что такая форма совсем изжила себя в нашем мире. Именно монолог, на который отвечают монологом. А не диалог, который обычно сводится к: «Привет. Как дела? — Хорошо. А у тебя как? — Хорошо».

Зачем ему это письмо. Зачем? Он и без меня знает себе цену. Он не нуждается в напугствиях. Я ему никто. Какую роль я хочу исполнить? Что я хочу получить от этого письма? Какую реакцию?

Ни ему, ни мне — это ни к чему.

Я отпускаю всех и остаюсь одна. Это последние слова, обращённые в пустоту моего сердца. Так мы взрослеем. Так мы падаем и поднимаемся для нового пути.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кот жив или мёртв?	5
Кошачьи гены	12
Для «особенных» детей.....	19
От чего бывают дети?	32
Герой не этого романа.....	44
Пепел, и ничего больше	53
Конец как точка в вечности.....	59
Наедине со своими трещинами	79
По разным берегам	82
Последние слова в пустоту	112

Литературно-художественное издание
Анастасия Ивановна Речкунова (Шинакова)
Чёрный ящик, или История одной
«особенной» девушки

Повесть

Руководитель проекта — А. А. Самойлова

Редактор-составитель — А. А. Самойлова

Корректор — Н. Л. Гриневич

Дизайн и вёрстка — Ю. А. Кобзева

Фотограф — Надежда Березуцкая
(фотостудия О'К)

Алтайский
дом печати

Подписано в печать 27. 07. 2023

Тираж 1000 экз. Заказ № 503.

Отпечатано в типографии АО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28.

тел.: 8 (3852) 63-79-71,

e-mail: zakaz@adp.alt.ru

2023 Молодой
голос
Алтая

Электронная библиотека АКУНБ, elilib.altlib.ru